

МА 17 27
ЛЮБЬ
ИТА 4
3.

ИЗВѢСТІЯ ОБЩЕСТВА

АРХЕОЛОГИИ, ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ

при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Казанскомъ университетѣ.

издаваемыя подъ редакціею секретаря Общества.

Томъ VI, вып. I.

ИЗВЛЕЧЕНІЯ

ИЗЪ ПРОТОКОЛОВЪ СОВѢТА И ОЧЕРЕДНЫХЪ СОБРАНІЙ ОБЩЕСТВА

за 1886 годъ.

СЪ ПРИЛОЖЕНІЯМИ.

КАЗАНЬ.
Типографія Императорскаго Университета.
1886.

1700
2511
#57-6

Администрація Общества съ 3 ноября 1885 года

1. Товарищъ Предсѣдателя, директоръ народныхъ училищъ казанской губерніи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Илюдоръ Александровичъ *Илюсковъ*.

2. Казначей, и. д. начальника университетской типографіи Александръ Титовичъ *Соловьевъ* (въ зданіи типографіи).

3. Секретарь Александръ Семеновичъ *Архангельскій* (въ зданіи университета).

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ:

а) А. А. Дубровина (Гостинный дворъ № 1) и

б) К. Н. Алексѣева (Воскресенская ул., д. Савошкина), продаются слѣдующія изданія Общества, которыя можно также получить прямо чрезъ Секретаря Общества:

1. Вѣстникъ Общ. Арх. Ист. и Этн.; Томъ I, 1878 годъ. Цѣна 50 коп.—Томъ II, 1879 годъ. Цѣна 1 руб.—Томъ III, 1880—1881 годы. Цѣна 2 руб. 50 коп.—Томъ IV, 1883 г. Цѣна 1 руб. 50 коп.

2. Отчеты о дѣятельности и состояніи Общества за 18⁷⁸/₇₉, 18⁷⁹/₈₀, 18⁸⁰/₈₁ годовъ.... по 25 коп.

3. Каталогъ археологической и этнографической выставки, организованной Обществомъ въ 1882 году. Обширность, въ систематическомъ порядкѣ, всѣ коллекціи Общества.... Цѣна 30 коп.

Цѣна V тома 1 рубль.

Печатано по опредѣленію совѣта Казанскаго Общества археологій,
исторіи и географіи. 16 окт. 1886 г.

Секретарь Общества, проф. А. Архиповскій.

Въ 1885 году Казанское Общество археологій, исторіи и этнографіи имѣло шесть засѣданій совѣта и восемь общихъ собраній, одно экстренное и семь очередныхъ.

Экстренное собраніе, происходившее 17 января, первое общее собраніе, было посвящено памяти не задолго передъ этимъ скончавшагося почетнаго члена Общества, графа А. С. Уварова. П. Д. М. Шестаковымъ, С. М. Шпилевскимъ и Д. А. Корсаковымъ произнесены были обширныя рѣчи, — посвященныя одѣлкѣ ученой дѣятельности почившаго сочлена. Сказанное ими ярко обрисовало широкую ученую дѣятельность графа Уварова, его великія заслуги для только что возникающей у насъ археологической науки. Произнесенныя рѣчи были тогда же напечатаны Обществомъ въ особомъ изданіи: „Памяти гр. А. С. Уварова. Казань. 1885.“

Въ общемъ очередномъ собраніи 28 янв. проф. Н. В. Крушевскій сдѣлалъ сообщеніе *Изъ литической археологіи*, остановившись на первобытной исторіи желѣза, стали, олова, свинца, наступательныхъ и оборонительныхъ орудій. Какъ древне желѣзо, на основаніи археологическихъ разысканій сказать трудно, потому что желѣзо скоро окисляется въ землѣ. Однако оно было уже извѣстно семитамъ, сирійцамъ и ассирианамъ, подъ разными названіями, по всей вѣроятности заимствованными изъ суммерійскаго *barza*. Желѣзо часто упоминается въ Ветхомъ Заветѣ, а Геродотъ говоритъ про скиноовъ и персовъ, что они вооружались желѣзными мечами и употребляли желѣзо въ религіозномъ культѣ. Въ ново-персидскомъ яз. можетъ

быть еще отъ древности удѣлѣно *pulad*, въ смыслѣ „раскаленного желѣза“. Гомеръ называетъ желѣзо „сѣрымъ металломъ“, который хранился въ сокровищницахъ и употреблялся при мѣновой торговлѣ. Но вообще по рѣдкости желѣза для него не вездѣ существовало особое названіе, и въ Индіи словомъ *ajas*. „мѣдь“, съ начала желѣзнаго вѣка называли и желѣзо, а у Грековъ слово *χαλκός* („мѣдникъ“) стало названіемъ для кузнеца. У финскихъ племенъ названіе для желѣза заимствовано изъ иранскихъ языковъ. На латинской почвѣ названіе для желѣза (*ferrum*) было, видимо, заимствовано отъ финнскія. Вообще же происхожденіе желѣза неизвѣстно, равно невозможно пока опредѣлить его относительную древность.—На сталь есть глухой намекъ въ IX рapsодіи Одиссея, но только Гезіодъ далъ ей названіе *ἀδάμας* (неукротимая). Сталь, по словамъ Ксенофонта, была у Халибовъ, кузнецовъ по специальности. Большинству европейскихъ народовъ для названія стали послужило латинское слово *stafula* (остріе), передѣланное въ различныя формулы.—*Олово* было найдено въ свайныхъ постройкахъ, *свинецъ* же считается по происхожденію значительно позднѣйшимъ. Но замѣчательно, что Шлиманъ въ Гиссарлыкѣ всюду находилъ свинецъ, а не олово. Въ Библии олово стоитъ въ концѣ списка металловъ, но оно было уже извѣстно въ ведическое время на ряду со свинцомъ; оба эти металла извѣстны были грекамъ и римлянамъ. Первые добывали его на юго-зап. берегу Британіи. Греческое названіе свинца *καβήτεςος* любопытно въ томъ отношеніи, что повторяется подъ видомъ *kazdir*, въ древне-слав. *коситерьъ*, видимо ведя свое происхожденіе отъ ассирійскаго *kaša satira*. Не менѣе любопытно названіе свинца въ литовскомъ *zvinas*, латышскомъ *швиньс*, цыганскомъ *свинци*, эстонскомъ *ка-тіна* (свиное олово), на ряду со славянскимъ *свинецъ*.—У финновъ для того и другого металла часто употребляется одно названіе.*

Далѣе референтъ обозрѣлъ названія въ разныхъ языкахъ: лука, тетивы, стрѣлы, панциря, шлема, поножей, щита, копья и меча. Референтъ пользовался книгой *Шрадера*: Сравнительное языковѣдѣніе и первобытная исторія. Спб., 1886.

Д. чл. С. К. Кузнецовъ въ томъ же запискѣ сообщилъ свои наблюденія надъ *рождественскими* праздниками черемисъ. Совокупность этихъ праздниковъ носитъ у черемисъ названіе *шорык-ѣл* (сорок-ѣл); *шорык-ѣл* начинается съ пятницы предъ Рождествомъ и продолжается до пятницы передъ новымъ годомъ. Это время сопровождается устройствомъ болѣе или менѣе частыхъ пирушекъ, дѣлаемыхъ въ складчину. Первый день праздника особенно любопытенъ разными суевѣріями. Такъ напр. черемисы стараются въ этотъ день встать раньше, чтобы раньше встало потомъ въ страдное время. До разсвѣта старъ и младъ считаютъ деньги, „чтобы круглый годъ водились деньги“. При наступленіи дня мужчины выходятъ на гумно и въ поле, дѣлаютъ изъ снѣга кучки, на подобіе кладухъ хлѣба, и притомъ въ нечетномъ числѣ, — чтобы хлѣба уродилось сверхъ потребнаго. Бабы въ это время въ огородѣ на грядкахъ стараются снѣгъ, на подобіе вилокъ капусты и т. п. Всякій старается занять себя какимъ нибудь дѣломъ, приличнымъ возрасту, но всѣ дѣйствія черемисина въ этотъ день рассчитаны на то, чтобы получилась добрая примѣта, ведущая къ улучшенію хозяйства. Скотину и домашнихъ птицъ кормятъ лучше, чтобы они доставляли больше прибыли. Каждое малѣйшее дѣйствіе сопровождается особою примѣтою. Такъ, не чешутъ головы, чтобы куры лѣтомъ не *разребли* грядъ, не прядутъ пряжи, не даютъ въ долгъ, — весь день грызутъ орѣхи, чтобы быть полнѣе. Особенно старательно наблюдается состояніе погоды, подмѣчаютъ мельчайшія подробности и по нимъ судятъ о томъ, какая будетъ погода лѣтомъ. Кромѣ страстной среды, трудно найти другое время, гдѣ бы зависимость обыденной жизни черемисина отъ разнообразнѣйшихъ суевѣрій сказывалась столь ярко, какъ въ первый день сорок-ѣла. Много разныхъ и другихъ примѣтъ сопровождаютъ первый день сорок-ѣла; напр., дѣвушки по первому, кто войдетъ въ избу, гадаютъ о своемъ женихѣ, а парни о невестѣ. — Въ вечеру въ каждомъ домѣ пекутся блины и варятъ супъ изъ коноплянаго сѣмени, все это предлагается въ видѣ жертвы покровителямъ праздника *Васли-кубъ* и *Васли-кугузъ*. Послѣ молитвы въ честь послѣднихъ, распорядители пирушки, обыкновенно дѣвушки, приглашаютъ въ сборную избу всѣхъ желающихъ. Дѣвушекъ этихъ въ каждомъ приглашенномъ дворѣ водятъ въ овечій и коровій хлѣвъ. Онѣ хватаютъ

овець за ногу, отчего вѣроятно произошло самое названіе праздника „овсчя пога“, и смотреть, лежитъ или стоитъ и какъ именно корова, чтобы опредѣлить, каковъ долженъ быть за ней уходъ во время теленія. Дѣвушки сбрасываютъ курь съ насѣдала, чтобы онѣ неслись усерднѣе, украдкой останавливаются у хлѣбныхъ амбаровъ и стараются подслушать, у кого „играетъ хлѣбъ“, т. е. толчется и производитъ извѣстный шумъ. Въ сборной избѣ прежде всего совершается молитва, за которую слѣдуетъ „веселье“, состоящее изъ пляски, починъ которой дѣлаетъ самъ хозяинъ и хозяйка, а потомъ занимается исключительно молодежь. Затѣмъ являются замаскированные, во главѣ которыхъ покровители праздника Васи-куба-кугуза, и начинаются различныя мелкія представленія: на сцену выводятся мѣстные дѣтели, — священникъ, урядникъ, стаповой приставъ, старшина, преимущественно съ комической стороны. Прерываясь пѣснями, подъ аккомпаньментъ волынки, вечеръ посвящается различнымъ играмъ, въ родѣ „лычка“, „вольца“. По этой программѣ устраиваются праздники въ теченіи цѣлой недѣли.

Въ очередномъ собраніи 19 февраля, д. чл. проф. Д. О. Бѣляевъ сдѣлалъ докладъ о происхожденіи алфавита. Указавъ на интересъ, который постоянно возбуждалъ собою вопросъ о происхожденіи алфавита, референтъ остановился нѣсколько на томъ, какъ смотрѣли греки на происхожденіе алфавита и указалъ на ихъ почти вѣрныя теоріи. Затѣмъ референтъ обозрѣлъ результаты работъ по рѣшенію этого вопроса извѣстныхъ ученыхъ Гезеніуса, де Руже и въ особенности Ленорманна, задумавшаго было написать обстоятельную исторію алфавита по чрезвычайно широкому плану, но остановившемуся на первомъ томѣ. Далеко удачнѣе на этомъ пути была попытка Исаака Тейлора, въ двухъ томахъ сжато изложившаго многовѣковую исторію алфавита. Остановившись затѣмъ подробно на особенностяхъ египетскаго и финикійскаго буквеннаго алфавита, референтъ демонстрировалъ различные алфавиты, изображенные въ книгѣ Тейлора. Сообщение это вошло въ изслѣдованіе проф. Бѣляева: *Исторія алфавита и новое мнѣніе о происхожденіи глаголицы*, напечатанное въ „Ученыхъ Запискахъ“ Казанскаго университета и отдѣльно, Казань, 1886 г.

Въ томъ же собраніи, д. чл. В. М. Краузе сдѣлалъ устное сообщеніе о своей поездкѣ въ алтайскій округъ для изученія казачьяго войска, совершенной имъ въ 1862 г. Референтъ предпослалъ описанію поѣздки краткую исторію колонизаціи западной Сибири, остановившись между прочимъ на происхожденіи сибирскаго казачьяго войска, — „которое нельзя считать происшедшимъ отъ дружины Ермака, а скорѣе отъ всякаго сброда пришлыхъ людей“. Референтъ описалъ постройки, существующія въ станицахъ сибирскихъ казаковъ по р. Иртышу, ихъ нищу и сельскія занятія, остановился на ихъ военномъ устройствѣ и службѣ на инѣи, „дурно вліяющей на ихъ экономическое положеніе“; потомъ перешелъ къ описанію Семипалатинска, отмѣтилъ безводіе города и свирѣпствующіе здѣсь ураганы.

Въ томъ же собраніи С. К. Кузнецовъ сдѣлалъ сообщеніе о мордахъ — каратаяхъ. Вопросъ о каратаяхъ впервые поднятъ въ русской литературѣ со временъ Лепехина, въ 1768 г., но доселѣ остается нерѣшеннымъ. Самъ Лепехинъ при описаніи мордовскаго племени только упомянулъ, что кромѣ эрзи и мокши существуетъ третье немногочисленное коленно каратаи, населявшее три деревни въ тогдашнемъ казанскомъ уѣздѣ. Основываясь на словахъ Лепехина, Аделупгъ (старшій) включилъ нарѣчіе каратаевъ въ общую номенклатуру языковъ. Въ 1824 вышло классическое сочиненіе К. М. Френа „Jbn Fozslan“ и пр. Приводя свидѣтельства Ивн-ель-Варди и Димешки о народахъ, обитающихъ по р. Волгѣ, Френъ склоненъ видѣть въ имени народа Кератіян, упоминаемаго рядомъ съ двумя мордовскими племенами, каратаевъ Лепехина. Но и самъ Френъ говоритъ это неувѣренно, весьма справедливо замѣчая, что указаніе Лепехина ни кѣмъ подтверждено не было. Тѣмъ не менѣе эта догадка Френа, наряду со многими другими остроумными его предположеніями, была принята на вѣру. Академикъ Кеппелъ принимаетъ даже догадку Френа какъ неоспоримо доказанную и прямо считаетъ каратаевъ отдѣльнымъ мордовскимъ племенемъ, тѣмъ болѣе, что въ доставленныхъ ему свѣдѣніяхъ объ угльскихъ крестьянахъ онъ между прочимъ встрѣтилъ указаніе на мордву-каратаевъ въ сенгилеевскомъ уѣздѣ. Въ актахъ историческихъ, изданныхъ Степаномъ Мельниковымъ въ 1859 году (Казань), есть нѣсколько грамотъ, въ которыхъ

неоднократно называется с. *Каратаи*, гдѣ теперь главнымъ образомъ живутъ такъ называемые мордва-каратан, упоминается также каратаевская дорога, но нѣтъ того, что было бы всего важнѣе—нѣтъ прямого указанія на то, чтобы населяющая село Каратаи мордва носила именно названіе *каратаевъ*. Нѣтъ также ни малѣйшаго намека на каратаевъ ни въ русскихъ лѣтописяхъ, ни въ Актахъ Историческихъ, ни въ Дополненіяхъ. Упоминаніе каратаевской дороги подъ 1582 г. въ смыслѣ термина географическаго или даже административнаго даетъ поводъ думать, что скорѣе всего названіе *каратаи* можно счесть приуроченнымъ къ небольшой горсти мордвы, поселившейся вблизи каратаевской дороги, и притомъ съ не особенно отдаленнаго времени,—чѣмъ названіемъ. издревле ей принадлежавшимъ и обозначавшимъ особое мордовское колѣно. Но, разумѣется, на основаніи этого нельзя еще заключать что мордва-каратаевъ не существуетъ вовсе, не только какъ отдѣльнаго племени, но даже какъ обособившейся по языку, одеждѣ и вѣрованіямъ вѣтви того или другаго мордовскаго племени, какъ это дѣлаетъ г. Риттихъ—только потому, что каратаевъ не изучали на мѣстѣ. Послѣднимъ изъ авторовъ, упоминавшихъ о каратаяхъ, слѣдуетъ поставить г. Альквиста, лично посѣтившаго каратаевъ въ 1856 году и признававшего каратаевъ за татаръ, подвергшихся болѣе или менѣе мордовскому вліянію. Въ regard къ этому крайнему мнѣнію можно привести показаніе магистра Гейкеля, посѣтившаго минувшимъ лѣтомъ каратаевъ и пришедшаго къ заключенію, что каратаи, сколько можно судить по ихъ костюму, носятъ на себѣ слѣды мордовскаго происхожденія.—Затѣмъ со словъ священника с. Мордовскіе Каратаи, о Байтерьяковскаго, референтъ сообщилъ о современномъ состояніи мордва-каратаевъ. Въ языкѣ каратаевъ въ настоящее время преобладаетъ элементъ татарскій и отчасти русскій, но въ томъ и въ другомъ разрядѣ заимствованныхъ словъ замѣтна сильная перестановка удареній и перемѣна звуковъ; костюмъ еще доселѣ напоминаетъ костюмъ мордовскій. Что касается вопроса о происхожденіи, то каратаи прямо говорятъ, что они изъ мокшанскаго колѣна и что три-четыре поколѣнія назадъ въ языкѣ ихъ было еще нѣсколько мокшанскихъ словъ. Не смотря на обиліе татарскихъ словъ въ языкѣ каратаевъ, послѣдніе однако относятся къ татарамъ съ недоумѣніемъ,

ни не хуже, и сторонятся отъ всякаго болѣе глубокаго вліянія мухамеданства.—Рефератъ этотъ вызвалъ нѣкоторыя мѣчванія со стороны свящ. В. Т. Тимоѣева, который лѣе склоненъ видѣть въ каратаяхъ горсть татаръ, подвергшихся мордовскому вліянію, а самое названіе каратаевъ (мечерныя и тай-жеребенки), готовъ объяснить какъ кичъ, данную этой горсти татаръ. На что референтъ замѣтилъ о вліянія мордовскаго на татаръ въ этомъ случаѣ допустить невозможно, потому что кругомъ нинѣ мордвы нѣтъ, кивуть исключительно татары, со стороны которыхъ нельзя гдѣть вліянія, подобнаго мордовскому.

Въ засѣданіи совѣта 3 марта, членъ совѣта Д. А. Орсаковъ внесъ предложеніе объ изданіи Обществомъ "борника" по исторіи освобожденія крестьянъ въ Казанской губерніи къ имѣющему исполниться, 19 февраля 1886 25-лѣтію со дня упраздненія крѣпостнаго права. Совѣтъ шества съ сочувствіемъ отнесся къ предложенію проф. Орсакова, но намѣреніе это осуществлено не было.

16 іюня происходило чрезвычайное собраніе членовъ шества. Читанъ былъ докладъ председателя С. М. Шнигескаго по ремонту развалинъ древняго города Булгаръ, юнзведенныхъ, подъ его руководствомъ, лѣтомъ въ 1884 г. браніе, на основаніи § 32 устава, поручило особой ревизионной комиссіи, составленной изъ И. А. Изюоскова, А. Корсакова и А. Т. Соловьева,—дать свое ключеніе по этому дѣлу¹⁾.

Заключеніе комиссіи, вмѣстѣ съ обширнымъ отзывомъ томъ же предметѣ В. М. Флоринскаго, еще раньше подробно осматривавшаго развалины Булгаръ, — были редставлены въ засѣданіи совѣта 19 октября. По отзыву В.

¹⁾ Протоколъ этого собранія помѣщенъ сюда ниже, въ приложеніяхъ.

М. Флоринскаго, въ произведенныхъ работахъ оказались значительныя несовершенства, объясняющіяся, по его мнѣнію, „не столько недостаткомъ средствъ, сколько недостаткомъ внимательнаго отношенія къ дѣлу“. Но члены коммисіи нашли что „работы въ общемъ были произведены удовлетворительно“,—что „работы вообще произведены хорошо, и если не вполне отвѣчаютъ цѣлямъ археологическимъ, то совершенно удовлетворительны въ техническомъ отношеніи“.

Въ очередномъ собраніи 25 октября, д. чл. В. К. Магницкій прочелъ сообщеніе: „Значеніе названій селеній: Сарда, Серда“.

Названія селеній, заключающія въ себѣ слова сарда, серда, референтъ производитъ отъ названій травъ, растущихъ около этихъ селеній, именно сорной травы „свить“, „подагричника“,—называющейся по татарски сярда (سردا) по чувашски сердэ, или, какъ выговариваютъ это слово живущіе среди чувашъ русскіе—серда. Селенія, съ названіями Сарда и Серда, встрѣчаются въ Вятской и Казанской губерніяхъ. По „Спискамъ населенныхъ мѣстъ“, изданныхъ центральнымъ статистическимъ комитетомъ, значатся слѣдующія селенія, названія которыхъ указываютъ на слова сарда, серда: въ Вятской губерніи—Сардыбашъ (Сарда-Башъ? №№ 7995 и 8187, Малмыжскаго уѣзда, жители татары), Сарда Пустошь (№ 8180, того же уѣзда, жители черемисы), Сарда (№№ 15,116 и 15,169, Уржумскаго уѣзда, жители русскіе); въ Казанской губерніи—Серда средняя (№ 174), Серда Малая (№ 175), Серда Большая (№ 177), Серда Новая (№ 271), всѣ четыре Казанскаго уѣзда, во всѣхъ жители татары; Ланшевскаго уѣзда—Серда Нижняя (№ 1057, жители русскіе), Серда Верхняя (№ 1116, жители старо крещеные татары), Мамадышскаго уѣзда—Серда Рѣчка (№ 1226, жители татары).

Въ Спискахъ населенныхъ мѣстъ Вятской и Казанской губерній есть и еще нѣсколько селеній, въ составѣ названій коихъ слышится сарда, серда; напр. въ Вятской губерніи: Сардаковская (201 №), Сардемка (15297) и т. д; въ Казанской: Сердаюсъ (1162), Сердобрашка (237 и 240), Сердышъ (2503) и др.

О значеніи слова сердца референтъ имѣлъ случай заспрашивать татарина - магометанина (торговца книгами) въ деревнѣ Сарда - Башъ, Мамадышскаго уѣзда, и старо-крещенныхъ татаръ деревни Серды Верхней, Ланшевскаго ѣзда: всѣ они производили название отъ растенія: „снить“, подагричникъ“ (*Aegorodium Podagaria*). Что касается различія въ произношеніи Сарда и Серда, то, по мнѣнію еферента, русское названіе Серда установилось подъ влияніемъ чувашскаго говора. Татары и чуваша изъ молодыхъ сходовъ снити готовятъ варево. Ранней весной, начиная въ послѣднихъ числахъ апрѣля мѣсяца, татары и чуваша одѣтъ для сбора снити большими толпами. Въ дикомъ состояніи снить растетъ только въ извѣстныхъ мѣстахъ, о склонамъ береговъ рѣчекъ и овраговъ, поросшихъ черно-ѣсьемъ и кустарникомъ, а также вообще въ тѣнистыхъ мѣстахъ, около стѣнъ и заборовъ. Когда-то употреблялась гъ подагры.

Раскрашенный рисунокъ растенія снить имѣется въ Ботаническомъ атласѣ Шуберта, изображеніе его см. на XVI таблицѣ подъ № 3-мъ.

Въ заключеніе, референтъ мимоходомъ указалъ на районъ оригинальное названіе чувашской деревни — Пролей-каша, встрѣчающееся съ этимъ именемъ въ „Актахъ“, обранныхъ С. Мельниковымъ въ Тетюшскомъ уѣздѣ (стр. 3). Н. И. Золотницкій исправилъ это названіе въ принадлежавшемъ ему экземплярѣ Списка населенныхъ мѣстъ актъ: „(татарское) бѣрле-каш — волчья гора“. Между тѣмъ обиратель „Актвъ“ для объясненія названія Пролей-каша привелъ въ одной изъ статей, напечатанныхъ въ 60-хъ годахъ въ Казан. губ. вѣд., цѣлый мѣстный рассказъ какъ арилась каша и пролилась...

По поводу сообщенія Магницкаго, П. А. Пономаревъ заявилъ, что производство происхожденія названія еленій отъ растеній очень остроумно и что названія нѣкоторыхъ бугарскихъ городовъ произошли также отъ названій растеній, — напр. Жукотинъ — Джу-ке-тау — липовая гора, Табула-тау — Таволжья гора; при чемъ И. А. Иосковъ добавилъ, что многія селенія инородцевъ также носятъ названія растеній: Яктерля-Сосновка, Тумерля-убовка и мн. друг.

Д. чл. Можаровскій передалъ въ распоряженіе Общества купчую крѣпость, на продажу одной крестьянской дѣвнцы, совершенную 195 лѣтъ тому назадъ въ г. Тобольскѣ. Тов. предс. И. А. Износковъ прочелъ сообщеніе: чл.-сотр. Рябинскаго: „*Стишки крестьянскихъ дѣтей селъ Астраханки и Карташки, Дашевскаго уѣзда*“¹⁾). Рассмотрѣніе собранныхъ здѣсь матеріаловъ Общество поручило д. чл. А. Ф. Можаровскому²⁾).

Въ общемъ собраніи 3 ноября д. чл. проф. Д. А. Корсаковъ сказалъ *Нѣсколько словъ о жизни и дѣятельности Ник. Вас. Калачова и Конст. Дмитр. Кавелина.*

Н. В. Калачовъ и К. Д. Кавелинъ были почти сверстниками. Первый родился въ 1819 г., а второй въ 1818 г. Первый былъ достойнымъ преемникомъ втораго по кафедрѣ исторіи русскаго законодательства въ Московскомъ университетѣ, но какъ тотъ, такъ и другой — кафедру эту занимали очень короткое время. По оставленіи кафедры, Калачовъ предается изученію древнихъ государственныхъ актовъ, археографіи; Кавелинъ, на оборотъ, переходитъ къ общественной дѣятельности и въ продолженіи 10-ти лѣтъ занимаетъ должности въ различныхъ министерствахъ, и затѣмъ снова получаетъ кафедру, но уже гражданскаго права, въ университетѣ Петербургскомъ. На глазахъ Кавелина совершились всѣ реформы прошлаго царствованія, въ которыхъ онъ принимаетъ дѣятельное, хотя въ большинствѣ случаевъ и не оффиціальное участіе. Калачовъ — археографъ и археологъ, Кавелинъ — историкъ, философъ и публицистъ. Перваго интересуютъ памятники старины, втораго современная общественная жизнь. Въ 1877 г., на IV-мъ Археологическомъ съѣздѣ, бывшемъ въ Казани, Калачовъ подаль мысль объ организаціи мѣстныхъ, провинціальныхъ, центральныхъ архивовъ, въ которыхъ всѣ архивные документы и акты были бы научно систематизированы. Эта мысль занимала Калачова до конца жизни. Подобные архивы уже существуютъ въ настоящее вре-

¹⁾ Сообщеніе это помѣщено ниже, въ приложеніяхъ.

²⁾ Замѣчанія А. Ф. Можаровскаго помѣщены въ приложеніяхъ.

мя въ Тамбовѣ и Рязани. Для устройства такого же архива Калачовъ поѣхалъ въ Саратовъ, но на дорогѣ туда скончался въ своемъ имѣніи, не доведя этого дѣла до конца. По старанію Калачова, въ 1877 г. былъ въ Петербургѣ устроенъ археологическій, вѣриѣ, археографическій институтъ, въ которомъ и началъ свою дѣятельность одинъ изъ членовъ совѣта нашего Общества, недавно и преждевременно похищенный смертію, Мирза-Туганъ-Барановскій. Далѣе, проф. Корсаковъ, перечисливъ всѣ важнѣйшіе труды Калачова по археографіи и изученію древнихъ памятниковъ русскаго права, перешелъ къ характеристикѣ научной дѣятельности Кавелина, остановившись преимущественно на этнографическихъ трудахъ послѣдняго, которые, по мнѣнію референта, замѣчательны не столько въ фактическомъ отношеніи, сколько въ отношеніи методологическомъ. Въ своихъ этнографическихъ статьяхъ Кавелинъ не былъ чуждъ и Поволжью. Проѣзжая часто въ свое имѣніе въ Самарскую губернію, Кавелинъ изучалъ Поволжье и постоянно говорилъ: „Кто не знаетъ Волги, тотъ не знаетъ Россіи“. Значеніе Волги выражено особенно въ двухъ статьяхъ Кавелина: 1) „Съ Волги“, напечатанной въ „Русскомъ Инвалидѣ“ за 1866 г. и 2) „Юридическіе обычаи крестьянъ Самарской губерніи“, помѣщенной въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ 1860 г. Въ заключеніе Д. А. Корсаковъ указалъ на высокое нравственное значеніе личностей Кавелина и Калачова, вся жизнь которыхъ была посвящена неустанному труду на пользу русской науки и на проведеніе въ сознаніе русскаго общества высшихъ стремленій умственной жизни, и выразилъ пожеланіе, чтобы эти ученые послужили примѣромъ и нашли себѣ достойныхъ подражателей въ подрастающемъ, молодомъ поколѣніи.

При этомъ Д. А. Корсаковъ сообщилъ, что графиня П. С. Уварова прислала въ даръ Казанскому Обществу археологическому, исторіи и этнографіи портретъ покойнаго графа А. С. Уварова. *Постановлено:* Портретъ помѣстить въ запискѣхъ засѣданій археологическаго Общества, а графинѣ Уваровой выразить благодарность Общества.

Въ очередномъ собраніи 19 ноября читаны были сообщенія д. чл. П. А. Пономарева, тов. предс. И. А. Извозкова, д. чл. А. М. Зайцева и чл. сотр. А. П. Эрактина.

Въ сообщеніи П. А. Пономарева: „Изъ археологической поездки на р. Каму“ представленъ былъ краткій отчетъ о результатахъ изысканій, произведенныхъ референтомъ г-номъ 1885 г.

Изысканія произведены были въ двухъ мѣстностяхъ правого бережья р. Камы: въ бассейнѣ р. Омарки, въ восточной части Мамадышскаго уѣзда, и въ окрестностяхъ селеній Дмитріевки, Сорочьихъ горъ и Шурана, въ Лайшевскомъ уѣздѣ.

Обзоръ мѣстности и произведенныя раскопки дали слѣдующіе результаты:

1) Камское побережье къ западу отъ низовьевъ р. Вятки, между Соколками и с. Покровскимъ, представляетъ высокую равнину, разсѣченную глубокими оврагами, по которымъ протекають рѣчки Омарка съ Якинкой и Кирменкой и Кривая, выходящія низовьями на пространную заливную террасу р. Камы

Представляя благоприятныя условія для сельско-хозяйственной культуры, эта мѣстность характеризуется многочисленными слѣдами древняго болгарскаго населенія. Здѣсь осмотрѣны: 1) въ селѣ Дигитляхъ и его окрестностяхъ — слѣды болгарскаго аула и кладбища съ надгробными камнями (камень съ прекрасно сохранившейся арабской надписью на дворѣ крестьянина Енграфова); укрѣпленіе на горномъ выступѣ, въ вершинѣ ручья, направляющагося черезъ Дигитли въ Якинку (длина вала 58 саж., высота вала и глубина рва 2 арш., двое воротъ); 2) при д. Букеи, близъ устья того-же ручья, слѣды другаго аула, характеризующея различными находками — черепками болгарскаго типа, серебр перстнемъ и могильнымъ камнемъ; 3) при д. Омарскомъ Починѣ — укрѣпленіе на высокомъ горномъ выступѣ, господствующемъ надъ всей заливной террасой Камы этого района (два вала и между ними ровъ, длина валовъ и рва 118 саж., глубина рва и высота валовъ 1 саж., ширина ихъ по 3 саж., ворота въ средней части); въ двухъ верстахъ отъ этого укрѣпленія, на отлогомъ скатѣ той-же возвышенности, при оврагѣ „Кереметь“, слѣды обширнаго аула, характеризующея находками, также свидѣ-

тельствующими ясно о болгарскомъ населеніи (джучидскія монеты, черепки и проч.). Обширность городища при Керемети, многочисленность находокъ, грандіозность укрѣпленія и свидѣтельство русской лѣтописи подъ 1399 годомъ—приводятъ къ весьма вѣроятному заключенію, что въ этомъ именно пунктѣ и находился болгарскій городокъ Керменчукъ.

Кромѣ того, въ этой-же мѣстности обнаружены слѣды и болѣе первобытной до-болгарской культуры. При д. Березовкѣ, въ изгибѣ р. Кривой, обследована песчаная дюна. Находки, пріобрѣтенныя отъ мѣстныхъ крестьянъ, и произведенныя раскопки, привели къ слѣдующимъ заключеніямъ: кремни и первобытные черепки указываютъ на аналогію этой дюны съ дюной при д. Ананьиной, близъ Елабуги; прослойки темной земли, сохранившіяся въ поверхностномъ слое дюны, обломки человѣческихъ костей и сосудовъ, мѣдныя вещи—копья, бляхи, кельты и проч. указываютъ на существованіе размываго уже весенними разливами и снесеннаго вѣтрами могильника, сходнаго съ Ананьинскимъ.

II) Изысканія, произведенныя въ окрестностяхъ Сорочьихъ горъ и Шурана, дали слѣдующіе результаты:

1) При деревнѣ Дмитріевкѣ, обнаружены слѣды болгарскаго аула, характеризуемые черепками и надгробнымъ камнемъ съ сильно изгладившейся арабской надписью;

2) Новая раскопка, произведенная на первобытномъ городищѣ близъ д. Сорочьи горы дала возможность пополнить собранную здѣсь прежде коллекцію издѣлій изъ кости (особенно замѣчательны: костяная рукоятка съ головкой животнаго, костяныя, бронзовая и кремневая стрѣлки).

3) Коллекцію съ подобнаго-же костеноснаго городка близъ устья Гремячаго ключа (с. Шуранъ) удалось пополнить весьма важнымъ пріобрѣтеніемъ—бронзоваго кельта и бронзоваго шейнаго жгута съ стеклянными бусами и большими нефритовыми подвѣсками.

4) Раскопки на городкѣ Кирюшкиномъ, въ средней части Гремячаго оврага, не приводившіе въ предшествующіе годы къ благопріятнымъ результатамъ, на этотъ разъ обнаружили слѣды совершенно сходныя съ находками на городкахъ Сорочьей горы и устья Гремячаго ключа. Двухдневныя работы дали въ результатъ небольшую коллекцію издѣлій изъ кости и цѣльный маленькій сосудъ изъ рѣчнаго глина, смѣшаннаго съ раковинной Unio. Такимъ образомъ отыскавъ

пунктъ, гдѣ дальнѣйшія раскопки могутъ быть весьма со-
держательны, особенно въ виду того, что городище заросло
лѣсомъ и представляется совершенно нетронутымъ.

5. Произведенъ осмотръ „Именьковскаго кургана“, на-
ходящагося близъ д. Именьковой Ланшевскаго уѣзда, на бе-
регу р. Брмы. При этомъ оказалось, что насыпь, которой
придавали до сихъ поръ названіе кургана, есть ничто иное
какъ валъ, имѣющій форму кокошника, защищающій неболь-
шую площадку, покрытую культурнымъ слоемъ, содержа-
щимъ весьма примитивныя черепки и кухонныя остатки,
ясно свидѣтельствующіе о томъ, что площадка была мѣстомъ
древняго поселка. Такимъ образомъ является необходимымъ
произвести, въ интересахъ выясненія археологической физіо-
номіи этого городка, называемаго окрестными жителями
„Высокой горой“, обстоятельныя раскопки.

Независимо отъ указаннаго выше, П. А. Пономаревымъ
составлена была путемъ покупки большая коллекція камен-
ныхъ орудій и различныхъ болгарскихъ вещей, найденныхъ
крестьянами въ окрестностяхъ д. Сорочьи Горы и с. Шура-
на. Эта коллекція, наравнѣ съ прочими упомянутыми выше
находками, передана референтомъ въ собственность общества.

И. А. Ивановъ прочелъ рефератъ: „О городищахъ
въ бассейнѣ рч. Кирменки Мамадышскаго уѣзда“. Прежде всего
референтомъ было замѣчено, что въ верховьяхъ рч. Кирмен-
ки находится нѣсколько селеній, называющихся Кирмени,
Кирмень. По названіямъ этихъ селеній бывший членъ Об-
щества археологій, исторій и этнографіи Н. И. Золотниц-
кій предполагалъ, что тутъ должны находится укрѣпленія ¹⁾.
Предположеніе это оправдалось, и свидѣнія о Ханъ-Кирмен-
скомъ укрѣпленіи (между средними и русскими Кирменями)
и о магометанскомъ кладбищѣ, при немъ находящимся, бы-
ли доложены IV-му Археологическому съѣзду членомъ—со-
трудникомъ Е. Т. Соловьевымъ и помѣщены въ протоколахъ
этого съѣзда ²⁾. Имъ же было доставлено подробное со-
общеніе въ Общество „Гдѣ былъ древній болгарскій го-
родъ Керманчукъ?“ ³⁾. Объ укрѣпленіяхъ же, остаткахъ

¹⁾ Золотницкій. Корневой чувашско-русскій словарь, стр. 262.

²⁾ Труды IV-го Археологическаго съѣзда. Томъ I-й. Протоколъ, стр.
XLII и LXII.

³⁾ Протоколъ общаго собранія Общества археологій, исторій и этно-
графіи, 16-го октября 1889 г.

древнихъ поселеній и кладбищъ, расположенныхъ въ нижнемъ теченіи р. Кирменки и на ея притокахъ имѣются подробныя свѣдѣнія въ „Извѣстіяхъ“ ¹⁾). Такъ какъ городища верхняго теченія рч. Кирменки были уже подробно обследованы, то въ послѣднюю поѣздку П. А. Износковимъ, совместно съ членомъ совѣта П. А. Пономаревимъ, было обращено вниманіе на городища нижняго теченія, находящіяся недалеко отъ селеній Омарскій Починокъ, с. Дигитли и д. Букени. На возвышеніяхъ, расположенныхъ у Омарскаго Починка, было осмотрѣно укрѣпленіе, извѣстное въ народѣ подъ именемъ „ровы“, а у с. Дигитлей — магометанское кладбище. На такъ называемыхъ татарскихъ жилищахъ и въ особенности въ урочищѣ называемомъ „кереметь“ попадаются разныя находки, изъ числа которыхъ референтомъ была демонстрирована, собранная имъ и П. А. Пономаревымъ, небольшая коллекція, состоящая изъ двухъ серебряныхъ и нѣсколькихъ бронзовыхъ и желѣзныхъ вещей.

Д. чл. А. М. Зайцевъ въ своемъ сообщеніи: „*Из археологій Урала*“ изложилъ нѣкоторые факты, касающіеся прежнихъ обитателей юго-восточной и сѣверной частей Екатеринбургскаго уѣзда, гдѣ референтъ производилъ геологическія изслѣдованія въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ 1883 и 1885 гг. При этомъ онъ представилъ собранную имъ коллекцію каменныхъ и костяныхъ орудій, черепковъ глиняной посуды, мѣдныхъ и деревянныхъ вещей, костей животныхъ и желѣзныхъ шлаковъ ²⁾).

Сообщеніе чл. сотр. Эрактина будетъ напечатано отдѣльно, въ одномъ изъ слѣдующихъ выпусковъ VI-го тома „Извѣстій“.

Въ очередномъ собраніи 29 декабря, читаны были сообщенія дд. чл. проф. А. А. Штукенберга: *О раскопкахъ одной пещеры въ Сергійской дачѣ на западномъ склонѣ Урала*, проф. Н. Н. Смирнова: *Замѣтки о русскомъ слякѣ на*

¹⁾ Извѣстія Общества археологій, исторіи и этнографіи, Т. II, стр. 103—105. Т. III, стр. 293—295.

²⁾ Сообщеніе это помѣщено ниже, въ приложеніяхъ.

инородцевъ въ предмѣстѣ Казанскаго края и проф. Н. Ѳ. Высоцкаго: Древнее армянское кладбище въ Казани.

Проф. А. А. Штукенбергъ сообщил о результатахъ изслѣдованій одной изъ пещеръ на западномъ склонѣ Урала, предпринятыхъ съ цѣлью открытiя слѣдовъ доисторическаго человѣка. Референтъ изслѣдовалъ именно одну изъ пещеръ, по р. Сергѣ, въ Сергiнскомъ округѣ, недалеко отъ деревни Аракаевой. Изслѣдованная пещера представляетъ собственно довольно значительный гротъ, въ которомъ могутъ свободно помѣститься 15 человѣкъ; просторный выходъ этого грота обращенъ непосредственно къ рѣкѣ. Стѣны и потолокъ сложены изъ плотнаго известняка, принадлежащаго къ доновской формаци. Нѣсколько шурфовъ заложенныхъ въ днѣ пещеры дали отрицательные результаты; шурфы прошли всю наносную почву и не встрѣтили ни какихъ остатковъ ни человѣка, ни животныхъ.— По мнѣнiю референта такой отрицательный результатъ не случайный и находится видимо въ связи съ отсутствiемъ вообще остатковъ первобытнаго человѣка на западномъ склонѣ Урала въ области бассейна Уфы. Референту не извѣстно, чтобы въ этой области были находимы какiя нибудь первобытныя орудiя

Сообщенiе проф. И. Н. Смирнова, помѣщенное ниже, въ приложенiяхъ (1), вызвало длинныя споры. Нѣкоторые изъ членовъ возражали, что въ данномъ случаѣ не нужно забывать и обратнаго влiянiя — мордвы на русскихъ имѣвшее особенное широкiе размѣры нѣсколько нѣковъ тому назадъ и заставившее даже нѣкоторыхъ ученыхъ думать, что такъ называемое великорусское племя образовалось отъ смѣшенiя славянскаго племени съ финскимъ ..

Сообщенiе проф. Н. Ѳ. Высоцкаго указало въ Казани, на дачѣ г. Бартоло (такъ наз. нѣмецкая куртiна)—слѣды древняго армянскаго кладбища. Одинъ образованный армянинъ, интересующiй судьбами своего народа, сообщилъ референту, что по преданiю, армяне, до взятiя Казани русскими, составляли въ ней значительную торговую колонiю. Казань и была взята русскими, будто бы, при содѣйствiи именно армянъ, указавшихъ слабыя мѣста татарскихъ укрѣпленiй. По взятiи города, царь рѣшилъ всѣхъ армянъ умертвить, опасаясь, что они поступаютъ съ русскими также, какъ и съ татарами. Часть армянъ однако успѣла

скрытыя, а оставшіеся были перебиты и похоронены, именно въ той большой общей могилѣ, которую открылъ проф. Высочкій. Членъ общества *А. Н. Бжеговъ* подтвердилъ, что дѣйствительно, по преданію, которое онъ слышалъ, армяне указали царю мѣсто, гдѣ хранился ключъ отъ входа въ крѣпость...

Въ этомъ же собраніи въ комитетъ для составленія программы VII археологическаго съѣзда, имѣющаго быть въ Ярославлѣ, избраны отъ Общества депутатами *С. М. Шпилевскій* и *Н. А. Толмачевъ*.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I. Протоколъ чрезвычайнаго общаго собранія членовъ Каванскаго Общества археологовъ, историковъ и этнографовъ 16 іюня 1886 г. (¹).

Засѣданіе открыто въ 1 ч. 45 м. дня предсѣдателемъ Общества *С. М. Шпилевскимъ*, при участіи 9 дѣйствительныхъ членовъ, 3 членовъ—сотрудниковъ и 1 пестор. посетителя.

Секретарь отъ имени предсѣдателя прочелъ составленный послѣднимъ докладъ по ремонту болгарскихъ развалинъ слѣдующаго содержанія:

„Имѣю честь представить вниманію общаго собранія отчетъ по ремонту развалинъ древняго города Булгарь. Собранію извѣстно, что, согласно Высочайшему повеленію, съ 20 іюня 1881 г. Общество получаетъ ежегодной субсидіи по 300 р на поддержаніе въ приличномъ видѣ и на охраненіе означенныхъ развалинъ, съ Высочайшаго же соизволенія по-

(¹) Общее собраніе это явилось обязательнымъ, согласно повѣстки, такъ какъ оно не могло состояться наканунѣ, по непріятіямъ требуемаго Уставомъ количества членовъ.

реданныхъ въ 1880 г. на попеченіе Казанскаго Общества А., И. и Э. Весною 1882 года, въ виду полученія первой субсидіи, совѣтъ Общества поручилъ тогдашнему секретарю Общества Н. П. Загоскину и члену совѣта П. А. Пономареву произвести осмотръ развалинъ. Грустную картину нарисовали въ своемъ отчетѣ вышеназванные лица: предстоялъ неотложный, быстрый ремонтъ, дабы спасти немногіе остатки болгарской старины отъ окончательнаго разрушенія. Извѣстно было это жалкое состояніе развалинъ г. Булгаръ и другимъ ученымъ обществамъ, но на просьбу Общества А., И. и Э. помочи въ этомъ дѣлѣ матеріально, всѣ общества отвѣчали уклончиво или даже и совсѣмъ не удостоивали отвѣта. Весною 1883 года Императорское Русское Археологическое Общество поставило на видъ нашему Обществу плачевное состояніе болгарскихъ развалинъ, столь драгоцѣнныхъ въ историческомъ отношеніи, какъ бы указывая этимъ на то, что мы допустили такое разрушеніе. Всему этому, разумѣется, легко было бы помочь, если бы Общество наше располагало денежными средствами, но ихъ, въ сожалѣнію, не было, и невольно приходилось все далѣе и далѣе откладывать ремонтъ развалинъ.

Въ началу 1884 года въ кассѣ Общества скопилось субсидіи свыше 600 р.; а съ тою суммою, которую лѣтомъ предстояло получить, болгарскій фондъ возрасталъ, считая съ процентами, до 958 р. 82 коп. Теперь только сдѣлалось возможнымъ думать о серьезномъ ремонтѣ грозившихъ паденіемъ развалинъ. Усматривая это, совѣтъ Общества внесъ на рѣшеніе общаго собранія *предложеніе о необходимости ремонта болгарскихъ развалинъ* еще 14 апрѣля 1884 года, но, за несборомъ требуемаго Уставомъ общества количества членовъ, голосованіе этого вопроса могло состояться лишь въ чрезвычайномъ общемъ собраніи, 16 мая 1884 года. Вполнѣ соглашаясь съ предложеніемъ совѣта, общее собраніе единогласно *постаноило*:

Въ виду наступленія вакаціоннаго времени и простекающей отсюда невозможности организовать засѣданія совѣта и общихъ собраній, уполномочить предсѣдателя Общества производить, безъ особаго на каждый разъ ходатайства, уплату денегъ подрядчику и поставщикамъ матеріаловъ, получая, по мѣрѣ надобности, потребныя суммы авансомъ отъ казначея Общества, всякій разъ подъ росписку, и подъ рос-

писку же выдавая завѣдующему работами. Выѣстъ съ этимъ утвердить представленіе совѣта о томъ, чтобы двое членовъ совѣта и архитекторъ совершили спеціальную поѣзду въ Болгары для предварительнаго осмотра развалинъ, собранія на мѣстѣ справочныхъ цѣнъ и для болѣе точныхъ соображеній о способахъ ремонтировки съ технической стороны^а.

Согласно такому опредѣленію общаго собранія, я выѣхалъ 9 іюня 1884 года въ Болгары вмѣстѣ съ архитекторомъ чл.-сотр. *Х. Г. Пашковскимъ* и секретаремъ Общества *С. К. Кузнецовымъ*. Въ теченіе двухдневнаго пребыванія нашего въ Болгарахъ, былъ сдѣланъ осмотръ, произведены промѣры и сняты рисунки, какъ съ самыхъ памятниковъ, такъ въ особенности тщательно приведены въ извѣстность размѣры и характеръ разрушенія въ каменной кладкѣ зданій. Изъ разрушеній этихъ особенное вниманіе обратили на себя два большихъ пролома въ черной палатѣ, изъ которыхъ главный былъ шириною 3 саж. 9 вершк., вышиною 3 саж. 2 арш. 4 вершк., при толщинѣ стѣны въ 2 арш. 8 в. внизу и 2 арш. 4 в. вверху; другой меньшій проломъ имѣлъ въ длину 1 саж 2 в., въ вышину 2 арш. 11 в., при толщинѣ стѣны въ 2 $\frac{1}{2}$ аршина. Отъ расчистки этихъ проломовъ для болѣе раціональнаго соединенія новой кладки со старою, квадратное содержаніе каменной кладки должно было увеличиться до еще большихъ размѣровъ. Была принята во вниманіе необходимость починки большого количества трещинъ въ стѣнахъ и сводѣ черной палаты, происшедшихъ отъ осадки фундамента, такъ какъ самое зданіе стояло какъ бы въ ямѣ, и кромѣ того было предположено произвести облицовку этого зданія камнемъ, такъ какъ облицовка древня уничтожилась отъ времени и отъ хищничества мѣстныхъ крестьянъ. — Послѣ черной палаты былъ осмотрѣнъ стоящій неподалеку малый столбъ (или минаретъ) и при этомъ найдено сильное разрушеніе по угламъ недостала столба и въ нижней части ниши, сверху коей уцѣлѣлъ еще хорошо сохранившійся каменный орнаментъ; оказались также разрушенными входная дверь и ступени винтовой лѣстницы, затѣмъ карнизъ и окно въ фонарѣ столба, главнымъ образомъ пострадавшіе отъ отсутствія крыши. Выѣтннвшіеся швы между камней и остатки штукатурки на поверхности минарета указывали на слѣди старинной ремонтировки. — Были также осмотрѣны ц е р к о в ь с в. Н и к о л а я и зданіе, стоящее неподалеку отъ ма-

заго мппарета, представляющее изъ себя едва держащуюся груду камня. Церковь св. Николая также лишена облицовки, и только въ цоколѣ кой-гдѣ сохранились ея слѣды. Въ кладкѣ подъ крышею замѣчено нѣсколько отверстій и трещинъ, происшедшихъ отъ осадки фундаментовъ по той же причинѣ, что и у черной палаты, т. е. за отсутствіемъ скатовъ для скопляющейся около зданія воды.

На основаніи всего вышеназложеннаго было приступлено къ составленію проекта смѣты, по которой исчислено было употребить: на матеріалы 448 р. и на работы 337 р, 50 к., а всего 785 р. 50 к. Но главное затрудненіе заключалось въ томъ, откуда добыть потребные для ремонта матеріалы, въ особенности кирпичъ. Первоначально предполагалось сплавить кирпичъ изъ Казани на баркѣ, но въ то время въ Казани стояли на него слишкомъ высокія цѣны (съ доставкою на Бакалдинскую пристань — 17 р. съ тысячи) и кромѣ того слишкомъ дорого бы стоило сплавить кирпичъ на баркѣ до Спасскаго затона, а потомъ на лошадяхъ доставить до Болгаръ. Пришлось размысливать кирпичъ по близости отъ Болгаръ, — въ г. Тетюшахъ или Спасскѣ. Съ этою цѣлью посланъ былъ на развѣдки болѣе надежный подрядчикъ г. Казани, крестьянинъ *Иванъ Туринъ* совмѣстно съ опытнымъ землекопомъ. По собраннымъ ими справкамъ оказалось, что въ Спасскѣ кирпичъ былъ въ это время также дорогъ, — на мѣстѣ до 15 р. за тысячу, а въ Тетюшахъ весь наличный запасъ былъ уже законтрактованъ на мѣстные постройки. Среди крестьянъ с. Болгаръ хотя и былъ одинъ, занимающійся обжигомъ кирпича, но онъ, ссылаясь на страдную рабочую пору, обѣщалъ доставить первую партію кирпича не раньше начала августа мѣсяца.

Вслѣдствіе такихъ затрудненій пришлось обратить вниманіе на камень, запасы коего предвидѣлось найти на земляхъ, принадлежащихъ крестьянамъ, главнымъ же образомъ пришлось сдѣлать это потому, что цѣна на 1 куб саж. кирпича почти въ 5 разъ превышаетъ стоимость камня въ томъ же объемѣ. Чтобы лишить мѣстныхъ крестьянъ возможности посягнуть на добычу камня изъ развалинъ, принадлежащихъ Обществу, завѣдующимъ ремонтомъ. чл.-сотр. Х. Г. Пашковскимъ была дана телеграмма въ с. Болгары на имя крестьянина *Вомы Кушкинина*, которою поручалось послѣднему предупредить крестьянъ, чтобы они не приступали къ заго-

ловкѣ камня прежде, нежели указать мѣста ломки, такъ какъ изъ разпросовъ у мѣстныхъ крестьянъ выяснилось, что довольно значительныя кучи камня имѣются у нихъ на поляхъ и огородахъ, въ особенности же на огородѣ крестьянина *Раимова*, и неподалеку отъ черной палаты, на крестьянскихъ поляхъ (въ 150 саж. на западъ); такимъ образомъ на первыхъ порахъ не представлялось надобности доставлять камень изъ-за Волги, что стоило бы крайне дорого.

Рышевазванный подрядчикъ Пванъ Тугинъ нашелъ возможнымъ замѣнить кирпичную кладку при ремонтѣ каменной, и 19 іюля 1884 съ нимъ заключено было условіе, по которому онъ обязался ремонтировать: 1) черную палату, 2) малый минареть, 3) церковь св. Николая и 4) подкрѣпить остатки зданія близъ малаго минарета, все за сумму 270 рубл., скинувъ со сѣбѣ 67 р. 61 коп. и обязавшись приступить къ работѣ съ 23 іюля, а окончить ее къ 1 октября. Завѣдующій ремонтъ, чл.-сотр. Х. Г. Пашковскій 21 іюля лично заэконтрактовалъ: 5 куб. с. камня по 12 р., 1500 пуд. извести по 14 коп., 8000 кирпича по 13 р., до 400 бочекъ воды по 15 коп., 3 куб. сажени песку по 3 р. и разнаго лѣсу на 22 р.

Въ условленное время было приступлено къ работѣ и на первыхъ же порахъ встрѣтились затрудненія при устройствѣ облицовки черной палаты, именно относительно способа скрѣпленія облицовки съ внутреннею кладкою, такъ какъ прежняя древняя облицовка шла не съ общаго фундамента, а только съ незначительной глубины. Для закладки фундамента подъ цоколь и облицовку пришлось углубиться отъ 2½ до 3 аршинъ, при ширинѣ кавамы до 14 вершковъ, чтобы поставить этотъ фундаментъ на материкѣ. Только что упомянутая работа, оказавшись совершенно непредвидѣнною усложнила ремонтъ, какъ по количеству стровельныхъ матеріаловъ, такъ и по продолжительности самихъ работъ, чѣмъ и обусловилась полная невозможность приступить къ ремонту церкви св. Николая. Достаточно указать на то, что только на устройство цоколя употреблено до 4½ куб. с. камня. Сюда слѣдуетъ присоединить, какъ выше упомянуто, расписку окраинъ проломовъ, причемъ приходилось крайне осторожно вынимать довольно значительныхъ размѣровъ куски древней кладки на цементъ. Указанная выше толщина

стѣнь вызвала усиленные требованія на матеріалъ, закон-
тракованное количество коего оказалось недостаточнымъ,
такъ какъ одновременно велась, въ видахъ успѣшности дѣла,
и ремонтровка малаго минарета. Къ довершенію всего стояло
крайне дождливое лѣто, чѣмъ задержались работы и отчасти
непроизводительно утрачивался матеріалъ, какъ напр. запасы
извести, хотя и прикрытой досками, такъ какъ трудно было
ассигновать какую либо сумму на устройство сарая для хра-
ненія извести.

На основаніи вышеназложенныхъ осложненій при ре-
монтѣ пришлось прибавить: бута на 4, 84 куб. с., извести
на 600 п., кирпича на 1900 шт., соотвѣтственно этому до-
бавить количество воды и песку, а также и лѣсу. Стоимость
этихъ добавочныхъ матеріаловъ простирается до 252 р. 14 коп.
Сверхъ того въ работѣ подрядчика Тугина оказалось нужнымъ
добавить противъ смѣты и условія работу плотничную, имен-
но: а) устройство конической крыши на маломъ минаретѣ,
в) деревяннаго отлива вокругъ фонаря, с) обшить деревян-
ными досками каменныя ступеньки винтовой лѣстницы малаго
минарета, d) устроить деревянную крышу на куполѣ черной
палаты и двери,—всего на сумму 37 р. 40 к. Въ эту доба-
вочную сумму не вошли также мелкія кузнечныя работы
(кочеты, петли, скобы), устройство у черной палаты и ма-
лага столба сливовъ для стока воды (до 5 вѣршк. высоты у
подножія зданій) и исправленіе кладки въ нижней части
стѣнь внутри черной палаты.

Такимъ образомъ въ представленномъ завѣдывавшимъ
ремонтѣ отчетѣ стоимость всѣхъ работъ простирается на
сумму 975 р. 54 коп., подтверждаемую оправдательными
документами.

Добавляя къ суммѣ въ 975 р. 54 коп. расходы по
поѣздкѣ мсей совместно съ архитекторомъ и секретаремъ
(32 р.), двѣ поѣздки чл-сотр. X. Г. Пашковского (24 р.
52 к.) и излишне израсходованные X. Г. Пашковскимъ про-
тивъ полученной имъ суммы (12 р. 50 коп.)—получимъ *исти-*
нный расходъ по ремонту развалинъ въ 1038 р. 69 коп. По
казначейскому же отчету всѣхъ денегъ на этотъ предметъ
выдано 1032 р. 82 коп. Стало быть израсходовано на 5 р.
87 коп. болѣе, чѣмъ получено отъ казначея Общества, и
нужно предположить, что эта сумма перерасходована завѣ-
дующимъ работами изъ собственныхъ денегъ.

Что касается до окончательнаго расчета съ подрядчикомъ Иваномъ Тугинимъ, который не выполнилъ ремонта церкви св. Николая, что обязанъ сдѣлать по условію, то я ни въ честь представить на рѣшеніе общаго собранія нижеслѣдующіе два пункта:

1) Удовлетворить ли подрядчика Тугина только по условію (т. е. 270 рублями), прибавивъ сюда стоимость плотничныхъ работъ, не помѣщенныхъ въ предварительной сметѣ (37 р. 40 коп.) и сумму, израсходованную имъ частію на покупку гвоздей, частію на проѣздъ съ землепопомъ въ Болгары для собиранія на мѣстѣ свѣдѣній о матеріалахъ (12 р. 74 коп.), что вмѣстѣ составитъ 50 р. 14 коп., подлежащихъ ему къ выдачѣ? Такъ какъ, Тугинъ получилъ уже съ Общества 274 р. 50 коп., то ему остается получить по этому расчету еще 35 р. 34 коп.

2) Подрядчикъ Тугинъ хотя, съ моего разрѣшенія, и не ремонтировалъ церковь св. Николая, отчасти по недостатку денежныхъ средствъ на приобрѣтеніе матеріала, отчасти вслѣдствіе поздняго времени, но такъ какъ самыя работы на точномъ основаніи условія оказались болѣе значительными, чѣмъ предполагалось при составленіи проекта сметы, то окъ проситъ меня, во вниманіе къ его увеличившейся работѣ (выразившейся въ итогѣ въ 280 подецимахъ, т. е. считая по 1 р. 50 коп. на каменьщика въ день, на сумму 350 р. 62 коп.), ходатайствовать о выдачѣ ему сверхъ полученныхъ имъ 283 р. 50 к. *еще 70 рублей.*

Такимъ образомъ собранію предстоитъ рѣшить, по которому изъ этихъ способовъ удовлетворить подрядчика Тугина и какъ поступить съ нимъ относительно ремонта церкви св. Николая, который совѣтъ считаетъ для Тугина обязательнымъ?

Въ заключеніе доклада позволяю себѣ указать общему Собранію на то, что ремонтъ работы уже осмотрѣнъ мною весной мною совмѣстно съ членами совѣта И. А. Износковимъ и В. М. Флоринскимъ и признаны вообще прочными и соответствующими задачѣ, возложенной Обществомъ на завѣдивавшаго работами, чл.-сотр. Х. Г. Пашковского.

Наше Общество, на сколько позволили ему средства, сдѣлало свое дѣло, предохранивъ отъ окончательнаго разру-

шенія два главнѣйшихъ памятника болгарской архитектуры. Съ накопленіемъ субсидій, быть можетъ, удастся приступить къ ремонту и остальныхъ болгарскихъ памятниковъ.

По выслушаніи этого доклада, д. чл. Д. Θ. Бѣляевъ заявилъ, что, по его мнѣнію, слѣдовало бы передать отчетъ по ремонту ревизіонной комиссіи для повѣрки, согласно § 32 Устава Общества. Послѣдовали пренія, въ концѣ коихъ постановлено: Рѣшить предложеніе председателемъ Общества вопросы въ ближайшемъ общемъ собраніи, по выслушаніи доклада обособою комиссіи для повѣрки отчета производителя работъ и приложенныхъ къ нему оправдательныхъ документовъ и для освидѣтельствованія на мѣстѣ ремонтныхъ работъ.

Въ составъ этой комиссіи избраны: тов. председателя *И. А. Износковъ*. дѣйств. члены *Д. А. Корсаковъ*, *Н. А. Толмачевъ* и *А. Т. Соловьевъ*. Сверхъ того комиссія имѣетъ пригласить производителя работъ, чл.-сотр. *Х. Г. Пашковскаю*.

Засѣданіе закрыто въ 3 ч. 15 м. дня

Подлинный подписали: председатель общества *С. Шмелевскій*, тов. пред. *И. Износковъ*. Дѣйствительные члены: *В. Флоринскій*, *Д. Бѣляевъ*, *А. Соловьевъ*, *Д. Корсаковъ*, *Н. Толмачевъ*, *Н. Заюскинъ*. Секретарь *С. Кузнецовъ*.

II. Стишки крестьянскихъ дѣтей селъ Астраханки и Карташихи, Ланшевскаго уѣзда.

(Собраны въ теченіе 1882—1883 гг.)

Въ теченіе 1882—1883 годовъ я занимался собираніемъ по Ланшевскому уѣзду, частію самъ—въ селѣ Карташихѣ, частію чрезъ бывшаго сельскаго учителя *В. М. Несмѣлова*—по селу Астраханкѣ, дѣтскихъ пѣсенъ, распѣваемыхъ уличными мальчиками и состоящихъ изъ пѣсенокъ, прозвищъ, чередовыхъ прибаутокъ и т. п., стихковъ,—нелишнихъ этнографическаго интереса. Сообранные матеріалы и имѣю честь предложить вниманію общества.

I.

„Пѣсенки“, распѣваемые дѣтьми, составляютъ главную часть собраннаго матеріала. Изъ с. Карташихи записано 8 пѣсенъ, изъ Астраханки — 9. Однѣ изъ нихъ совершенно различны, другіе болѣе или менѣе сходны между собою.

Привожу сначала пѣсни изъ с. Карташихи, различающіяся содержаниемъ:

Вотъ пѣсня, въ упоминаются которой *баринъ, баба, мышка и понадь*:

- 1) Баринъ подавился,
Въ городъ провалился.
Право, Катенька, не а,
Балаганчика моя!
Постой, баба, не скачи.
Подай моя кашки...
Мышка набивала,
Животъ надрывала...
Николы понады
Уродила воробья —
Толстолобнишкаго,
Толстолобнишкаго.
Окрути его кругомъ,
Обруби его кругомъ,
На три волоса оставь,
Во поны его поставь.
Кто ни пройдетъ, ни пройдесть,
Тотъ пономъ его советъ,
Деньги платить за обѣды,
За колебны, колоколъ...

Любопытна послѣдняя часть этой пѣсни о понадѣ, уродившейся будущаго пона-воробья.

Въ слѣдующей пѣснѣ „*Неотесаная черемисова дочка идетъ замужъ не за Фомку, а за Еремку*“:

Тренти-бренти, балаганка!
Черемиски-чуванка,
Неотесаная дочка,
Черемисова дочка!
Пради, пради тонко:
Береть тебя Фомка.

— Я за Ёмку не пойду,
За Еренку похотчу.
Какъ у Ёжки два коня.
Два несъжарныя;
У Еренки два круга,
Два несолотыя.
Онъ похотѣлъ молотить,
За нимъ курицы бѣгли—
Босыя, сѣрыя,
Перевитыя хвосты.
Онъ по курицѣ цѣмонъ,
По другой кулакомъ.
Какъ изъ курицы перо
Подымалось на село...
Какъ во этомъ во селѣ
Сидитъ баба на 'ночѣ
На девятонъ кипричѣ.
У бабушки десныи есть,
Незнай, какъ бы къ ней подлѣзть.
Я ударю ее разъ,
Она денежки отдасть!

Въ другихъ дѣтскихъ пѣсняхъ о Ёмкѣ и Еремѣ, послѣд-
ніе представляются людьми, берущимися за различнаго рода
промыслы, но не успѣвающими ни въ одномъ изъ нихъ (*);
лица эти и погибають отъ своего неумѣнья.

Въ третьей пѣснѣ *насмѣшка надъ нищими*:

Ту-ту-ту! ту-ту-ту!
Какъ на барскомъ на лугу.
Трои (sic) нищенки шли,
Въ калюку зашли.
Трои нищенки дерутся
У нихъ сумочки трасутся....
Айда, Иванъ, къ намъ,
Не дадутъ ли намъ.
Дяду-дяду-дяду!
Мои сумочки крадутъ (*).
Или: Туссыки-туссыки!
Не ходи по сѣланъ,

(*) См. А. Ф. Мажароскаю: Изъ жизни крестьянскихъ дѣтей, изд. 2
Казань, 1882, стр. 57.

(*) Сравни. у г. Мажарос. пѣснь 8-я на стр. 64.

Не тоной ногой,
Я не лагу съ тобой,
Я лагу съ Олешкой,
Покроюсь рогожкой.
Рогожка узнала,
Татары украли.
Татаринъ коношникъ (sic),
Зеленый коношникъ (!)

А вотъ пѣсенка, не безъ юмора, но съ несовсѣмъ дѣтскими содержаніемъ:

Какъ на печкѣ, на лучинѣ,
Меня дѣвки залучили.
Меня татинька засталъ,
За височки потаскалъ.
Отчего я виноватъ?
Живу долго не жемать.
Я на мельницѣ былъ,
Я въ лѣсу дрова рубилъ;
Пріѣзжаю я домой,
Меня подчуютъ женой!
Ноги тонки, какъ лугошка,
Глаза сѣры, какъ у кошки,
Носъ широкий, ротъ большой,
Сопля тлится возжей.

Изъ пѣсенокъ дѣтей села Астраханки обращаютъ на себя вниманіе три пѣсенки о зайчикѣ. Въ одной, имѣющей вопросо-отвѣтную форму, зайчика представляется пойманнымъ, и на вопросы такъ отвѣчаетъ:

Гдѣ ты, зайчика, былъ-побывалъ?
— Въ огородѣ, баринъ мой,
Въ огородѣ, душа моя.
Что ты, зайчика дѣлалъ?
— Я капустку ломалъ,
Я вилочку глодалъ.
Чай тебя, зайчика, видѣли?
— Видѣли, баринъ мой,

(?) Можетъ быть, эта пѣсенка колѣдная: «Тусени» можетъ быть, то есть что Тусени—колѣда?

Видѣли, душа моя.
Чай тебя, зайчика, поймали?
— Поймали, баринъ мой,
Поймали, душа моя.
Чай тебя, зайчика, били?
— Били, били, баринъ мой,
Били, били, душа моя.
Чѣмъ тебя, зайчика, били?
— По бокамъ-то рукавомъ,
По спинѣ-то рычагомъ.
Ты-бы, зайчика, въ бородачу?
— А бородача-то уха,
А канутка-то ниска.
Ты-бы, зайчика, къ старичку.
— А старичокъ-отъ сѣденькій,
А я, зайчикъ, сѣренькій.
Ты-бы зайчика къ старушкѣ.
— Старушка глухонька,
А я востроухонькой.
Ты-бы, зайчика, въ уличку.
— А на улицѣ народъ,
Все поймають у воротъ.
Ты-бы, зайчика, въ поле.
— Чисто поле широко,
Темный лѣсокъ далеко.
Ты-бы, зайчика, въ лѣсокъ.
— А лѣсокъ-отъ рѣденькій,
А я, зайчикъ, бѣленькій.
Ты-бы, зайчика, на ёлку.
— А на елкѣ иглы (иголки):
Я боюсь,—уполюсь.
Ты-бы, зайчика, на линку.
— А на линкѣ квашня (душко)
Я боюсь,—провалюсь!

Въ другой пѣснѣ зайчика рисуется купившимъ полу-
саножки и бѣгущимъ на свадьбу къ волку—родственнику:

Поѣхали въ лѣсъ наши,
Наварили кашки.
На высокой лошади,
Увидали зайку
Коротеньки ножки,—
Купилъ полсаножки.

— Куда, занька, бѣжишь?
— Къ волку на свадьбу;
А миѣ волкъ-отъ дядя,
Волчица-то тетя...
— Приди, приди тонна,
Вышла за кулешка!
Кулешонъ не любитъ,
Шубенку не купитъ.
Купитъ да худумъ,
Аписью ребумъ,
Стенку курносую,
Дарьку толстососу!

Въ третьей тотъ-же ланька бѣжитъ на свадьбу изъ пареньку дворянину:

Изъ подъ дубу, дубу,
Изъ подъ гѣсу, гѣсу.
Калина! малина (!)!
Бѣжитъ, бѣжитъ занька,
Бѣжитъ горюстанья.
«Ты куда, занька, бѣжишь,
Куда, сѣренькій, сѣвишишь?
— Миѣ темерича не до вастъ:
У насъ свадьба завелась.
Паренекъ-отъ женится,
Замужъ идетъ дѣвица.
Паренекъ-отъ дворянина,
А дѣвица барыня (!)!

Слѣдующія двѣ пѣсни весьма, сходны—о происхожденіи ихъ жорыс:

Бонъ—бонъ—бонъ!
Загорѣся носій донъ.
Коса выскочила,
Глаза вытращила.
Побѣжала къ кабану,
Нанюкалась табаку,
Побѣжала къ стегу,

(1) Прииѣвъ повторяется чрезъ каждыя двѣ строчки.

(2) Ср. «Святочныя пѣсни, игры и гаданія Кал. губ. Ал. Макаровскаго К. 1873 г.» стр. 45.

Оставила ногу;
Побѣжала къ дубу,
Оставила губу,
Побѣжала къ носу,
Оставилася глазу;
Побѣжала къ Митягѣ,
Оставила титьки;
Побѣжала къ лѣтѣ,
Оставила лица(?)
Побѣжала къ кошкѣ,
Сдѣлалась покойникомъ.
— Я не буду покойникомъ,
Я буду вѣсать;
Я не буду вѣсать,
Я буду покойникомъ!

Бонъ — бонъ — бонъ!
Загорѣлся козій докъ.
Коза выскочила,
Глаза вытращила.
Побѣжала къ кабану,
Навтюхалась табану,
Теть-теть, потетень!
Выше города плетень,
На погѣтъ рукавички барановыя...

Обѣ предыдущія пѣсенки имѣютъ большое сходство съ пѣснями у г. Можаровскаго, на стр. 59.

Слѣдующая пѣсня сходна съ пѣсней у г. Можаровскаго, на стр. 58:

11) Ай ду-ду, ду-ду!
Потерялъ мужикъ дугу
Во мвановскомъ дугу.
Шарилъ, шарилъ, не нашель,
Ко сударушкѣ зашелъ.
Сударушка родила
Сына Максима,
Въ полтора аршина.
— Куха Палагея,
Дай полотенца
Покрѣтъ младенца!
Куха Богу молится....

Въ Ланшевѣ вмѣсто двухъ послѣднихъ строчекъ поютъ.

Младенца не ищутъ,
А коня не вернутъ.

Пѣсня *Барашекъ и чижикъ*, очевидно, состоитъ изъ разныхъ двухъ отрывковъ:

Ты не стой-ка у воротъ,
Иди прямо въ хату,
Ко родному брату;
Заколешь барашка....
Ханъ, ханъ!
Сынца данъ.
— Чижикъ, — чижикъ!
Гдѣ ты былъ?
— Въ виноградѣ вино пилъ.
Выпилъ рюмку, выпилъ дѣй,
Зашумѣло въ головѣ;
Пришелъ домой, — проспался,
Съ своей женой раздразнѣ;
Она ее палкой,
Она его ищалакой.

Обращаемся къ пѣснямъ Астраханки и Карташкинни,
болѣе или менѣе одинаковымъ.

Вотъ пѣсня объ *Оленушкѣ и Миронѣ*:

Оленушка дочка
Родила сыночка,
Хотѣла за барана,
Вышла за татарина....
Дѣвки татарки
Берите по палкѣ,
Бейте верону,
Тащите изъ Мирону.
У Мирона красота —
Купилъ лошадь безъ хвоста,
Поѣхалъ жениться,
Привязалъ корытце.
Корытце мотается,
Жена улыбается.

Или, послѣ 8-й строки:

Миронъ бирюшка(?),
Дѣтка комель (?) безъ хвоста;
Поѣхалъ жениться,
Привезалъ корытце;
Корытце хлопотеть,
Несѣста хочотеть.

Въ с. Карташихѣ эта пѣсенка—безъ именъ, съ добавленіемъ о козлячкахъ, воронахъ и журавлѣмъ:

А ре-ра! а-ре-ра!
Купилъ дѣвкѣ рукава,
Поѣхалъ жениться,
Привезалъ корытце.
Корытце метатца,
Жена улыбатца....
Мамышки козлятки
По двору гуляютъ,
Коль набиваютъ.
Стары вороны
На печкѣ въ углу
Казачи вькутъ,
На горнушечку вьдутъ.
На горнушкѣ дѣвкѣ скринушки.
Одну взять, да поиграть,
Журавлю-то попласать.
Журавль длинноногий
На мельницу бѣгалъ,
Бездѣлицу видѣлъ;
Бездѣлица не пала,
Все равно, что ста двора.

Пѣсня о Ванькѣ, цыганкѣ и проч. (въ Астраханкѣ):

Ѣхалъ Ванька на цыганкѣ,
Заворочивалъ къ цыганкѣ.
Цыганушки дома вѣтъ;
Варить пиво на горѣ.
Ужъ ты, кукошка-кукла!
Что ты вечеръ не была?
— Я боялась дергуня;
А дергунь-отъ не судья,
Судья-то Микудя.
Микудины дѣти

Собрались летѣти
Во чистое поле,
Во синѣе море.
Во синѣе-то морѣ
Стоялъ дубъ высокій;
Какъ на этомъ на дубу
Стоялъ воронъ востраый.
— Ворона, ворона!
Сосою мнѣ рубашку,
Тоненько, бѣленько,
Косою вороточку,
Взять въ городочку.
Иванъ Маршакъ
Погонялъ въ лѣсъ волковъ.
Они волки-то вѣдуть,
Красны шапочки носятъ.
Одна шапка дорога,
Уѣхала въ города,
Корова въ рогожѣ,
Нѣтъ ея дорожѣ.
Овечушка алгва
По рѣченькѣ плавала,
Увидала вѣзнаго.
— Постой, постой, вѣзнаый,
Отдай мнѣ пироги!
Пироги-то адобны
Съ овечьими г...и.

Или вотъ дѣтская пѣсня въ с. Карташнхѣ о пастухахъ
и поносахъ дѣтяхъ:

— Туру-туру, пастуховъ,
Калиновыи надомки,
Куда стало гоняль?
— Отъ моря, до моря,
До Кіева города ...
Дѣвца, дѣвца,
Сходи за волницей!
— Я волка боюсь:
Волкъ-отъ на колодѣ,
Медвѣдь на дорогѣ.

Поносы-то дѣти
Горохъ молотили,
Въ овинѣ поклали,

Пону не сказам.
Понъ съ каскии
Вытращилъ глазкии,
Понады-то съ почи
Переломала плочи.
Баранъ съ поѣти,
Съ крутыни рогани,
Съ длинными ногани;
Пѣтухъ на полицѣ
Касалъ пошенику (*).

Въ Астраханѣ эта пѣсня поется нѣсколько иначе:

Брасъ, брасъ, провалеш!
Кошка съ мышкой раздралеш:
Понемы ребаты
Горохъ молотилъ,
Цѣны переломалъ,
За омытъ покылалъ;
Пону не сказам.
Понъ изъ каскии
Вытращилъ глазкии;
Понады-то съ почи
Наломала плочи;
А ребаты съ молотей
Наломалъ калочей.

II.

Собрателямъ записано въ с. Астраханѣ также нѣко-
торыя прозвища по именамъ. На мужскія имена записано
слѣдующія 17 прозвищъ.

1. Андрей: Андрей—воробей,
Не влюй носокъ,
Не парай носокъ,
Ступай на гуню,
Собирай зерно.

* (С) Сравни у г. Мокеръ, пѣсни на стр. 66 и 71.

2 *Василий:*

Василь-васильчик,
Вшиный поросенок,
Загнѣзъ въ траву,
Кричитъ: «илу!»

3. *Власъ:*

Дѣдушка Власъ,
Вытщишь собѣ глаза!
Будешь ты Тарасъ,
Твоя жена Орша...
Часто ходитъ во поминанья:
Гдѣ краюшку,
Гдѣ горбушку,
Все домой тащитъ!..

4. *Григорій:*

Григоренька дурачокъ,
Повадилса въ кабачокъ;
Тамъ его билъ,
Его колотилъ...
Въ четыре дубины;
Пята осина...
По бокамъ возилъ!..

5. *Дмитрій:*

Митя сухощара (корова) тити!

6) *Ерема:*

а) Ерема, Ерема,
Сидѣлъ ты дома,
Точилъ веретена!
Жена твоя краха,
Могунку накраха,
Другую украха,
Кота покланала,
Котъ небожился,
Къ стѣнѣ приложился.

Или:

в) Ерема сиди дома,
Точи веретена.
Твоя жена краха
Коробку накраха,
Другую украха,
Кузьму покланала,
Кузьма небожился,
Къ стѣнѣ приложился (*).

7. *Иванъ:*

а) Иванъ болталъ
Молоко болталъ;
Мать краха
Молоко прошила.

(*) Сравни у г. Некрасов. пѣсенку на стр. 65.

- в) Иванокъ—Бродяковъ
Толсто брюхо;
Много ногъ!
Иванушка дурочекъ
Повадился въ кабачекъ;
Мать придетъ,
Сказкой прилететь.
Баю—баю—баю!
Сидеть кука на краю.
Онъ ни бѣденъ, ни богатъ,
У него много работъ,
Всѣ на лавочкахъ сидеть,
Каму назану ѣдать.
Ложка гнется,
Носъ трясется,
Душа радуется.
8. Кузьма: а) Николай, Николай!
Сиди дома, не гуляй.
Мать придетъ,
Помолокъ прилететь.
а) Микулнымъ лѣти
Собрались летѣти
Въ городъ-городнице.
10. Петръ: а) Пета-рета (sic)
Сѣлъ медвѣдь.
Котика-брана (драма),
Мышь ногана!
в) Петръ Петровъ
Сидѣлъ безъ дровъ.
11. Семёнъ: а) Семёнъ долгій
Ѣздилъ Волгой,
Нашелъ наку,
Убилъ галку.
в) Семёнъ—красная лѣбыва!
12. Сильверстъ: Сильверстъ,
Длинной семь верстъ!

Изъ женскихъ прозвища записано только 2 прозвища:

13. Анна: Анна Банна,
Шейка—копѣйка,
Голова—алтынь.
14. Марія: Машенька
Частомашенька,
Въ трубу лавала,
Тытъки лавала!

15) *Прозвище работ:*

Рабой ногъ (sic)
Блины века,
Но до века
Въ лѣсъ убѣгъ;
Овца скра
Блины сѣла.

Многія изъ этихъ прозвищъ съ небольшими измѣненіями извѣстны у дѣтей г. Ланшева; вовсе неизвѣстны здѣсь прозвища: Власа, Ивана (7, в), Николая (9, в), Семёна (11, а) и Сильверста. У г. Можаровскаго на стр. 21—22 пять сходныхъ прозвищъ. Сходство, впрочемъ, весьма незначительно.

III.

Вотъ чередовыя прибаутки, записанныя въ с. Карташихѣ:

1.

Перьяныя, друженья!
Убили голубенья.
На пять костровъ
Положила дрова.
Вхалъ шурина,
Срубилъ черенъ;
Черенъ лысый,
Тотъ и вышелъ.

2.

Ваня бѣлый,
Куда бѣгалъ?
— Въ дубровый лѣсъ.
Чего дѣлалъ?
— Лыжи драгъ.
Куда шалъ?
— Подъ козоду.
Подъ березу.
Кто унесъ?
— Родивонъ,
Подъ коня!

3.

Татарка б...а
На море пала,
Хрустень перстень наломала.
Тында, тында, тында!

4.

Перверѣди, другерѣди
Кѣму нѣра,
Цѣлошица,
Вѣлошица.
Кистѣна, сивѣна,
Сѣкога, вѣрѣна,
Пѣна, пѣна,
Жучѣна, лѣчѣна,
Вѣдъ корѣвѣна.

5.

Пѣри, мѣри,
Чуха, муха,
Пѣта, сѣта,
Ина, дуба,
Мѣна, хрѣста!

! Послѣднія двѣ прибаутки представляютъ просто наборъ словъ, Онѣ имѣютъ нѣкоторое сходство съ прибаутками, помѣщенными у г. Можаровскаго, на стр. 82.

6.

Зѣто, нѣто,
Чѣмъ пошто?
Сѣна, гѣна вѣна.
Оставайся дуракомъ.
Кѣна выведу на дворъ,
Кѣго хѣчу тѣго вѣна.

IV.

Въ с. Барташихѣ до настоящаго времени сохранился обычай мальчиговъ и дѣвочекъ ходить вечеромъ на новыи годъ отдѣльными партіями и выпрашивать съѣстнаго. Партія, подходя къ окну, спрашивается: „Спѣть-ли коляду“? Если разрѣшеніе получится, поютъ:

1.

Тауси, тауси
Летѣла-же нава
Черезъ самое море.
Тауси, тауси
Ревала-же поря
Во сырую землю.
Кому эти перышки?
(Нма) братку.
Шаночки шита,
Шурьезь-то дарити.
Шуря молодые
Въ гости-то не ѣдутъ.
Хоть они подѣдутъ,
Ворота не отворять.
Хоть они отворять,
Во дворъ-то не въѣдутъ.
Хоть они и въѣдутъ,
Въ сѣни-то не войдутъ.
Хоть они и войдутъ,
Набну-то дася не отворять.
Хоть они отворять,
За столъ-то не садутъ.
Хоть они и садутъ,
Хлѣба-то нѣ кусотъ.
Хоть они укусотъ,
Ложку-то не возмнутъ.
Хоть они и возмнутъ,
Щей-то не хвѣнутъ.
Кто подасть вѣтрушки,
Тотъ родитъ Лаврушку.
Кто подасть лешенку,
Тотъ родитъ дѣчешку (нѣ).
Кто подасть печенку,
Тотъ родитъ дѣчешку.
Кто подасть лешенку,
Тотъ родитъ Антошку.
Кто подасть ножку,
Тотъ родитъ Терешку.

Припѣвъ „Тауси, тауси“! повторяется чрезъ каждыя двѣ строчки; поется онъ нѣсколько медленнѣе.
По окончаніи пѣсни дѣти прощаются:

На горюшихъ осовенъ,
Подымай ногу въ носенъ!

Дѣтямъ дають чрезъ волоковое окно кто что и
изъ съѣстнаго.

Вмѣсто преддущей, иногда поется другая пѣсен

2.

Ой ососна, ой ососна!
Вхали бээрэ,
Сосенку срубали.
Ой ососна, ой ососна!
Дошечки наляли,
Мосточки постыли.
Сукномъ постыляли,
Гвоздями вбивали.
Кому по этому мосточку проѣзжати?
(Или) братку на новому году!

Приведемъ еще вариантъ стишка: „Зай, зай, кара!
помѣщеннаго у г. Можаровскаго, на стр. 44. Записи
Картинскихъ.

3.

Зай зай, каракака!
Гдѣ была?
— Коня ввася.
Чего вывася?
— Коня съ сѣдломъ,
Съ золотой уздой.
Гдѣ конь?
— За ворота ушелъ.
Гдѣ ворота?
— Водой сплосъ.
Гдѣ вода?
— Быки выжили.
Гдѣ быки?
— За горы ушли.
Гдѣ горы?
— Черяки выгочили.
Гдѣ черяки?
— Гуси выльсвали.
Гдѣ гуси?
— Въ тростяны ушли.

Гдѣ тростинки?
— Дѣтки выломали.
Гдѣ дѣтки?
— За мужья ушли.
Гдѣ мужья?
— На почтѣ въ углу,
Подъ охлопоченьемъ,
Подъ ошметоченьемъ!

Въ Ланшевѣ приводимый вариантъ послѣ вопроса: „гдѣ мужья?“ оканчивается такъ:

— Въ солдаты ушли.
Гдѣ солдаты?
— Примерки.
Гдѣ гроба?
— Пригнаны.
Гдѣ ногаты?
— Заросші...

Я изложилъ все собранное мною. Но кромѣ наложеннаго, есть въ Карташнихъ и Астраханкѣ не мало и другаго интереснаго матеріала, характеризующаго дѣтей, но собрать его мнѣ—по многимъ причинамъ не представлялось возможности.

К. Рябинскій.

Г. Ланшевъ,
6 октября 1864 г.

III. По поводу статьи Рябинскаго: Стишки крестьянскихъ дѣтей селъ Астраханки и Карташнихи, Ланшевскаго уѣзда.

Стишки, собранныя Р я б и н с к и м ъ, хотя отличаются отъ извѣстныхъ намъ дѣтскихъ пѣсенокъ незначительными измѣненіями, или перестановкой словъ, или смѣсю двухъ пѣсенъ въ одну, или на оборотъ, разложеніемъ одной пѣсни на двѣ, то переименованъ, то, наконецъ, приба-

кой какихъ-нибудь двухъ трехъ куплетовъ; но по существеннымъ характеристическимъ чертамъ онѣ одинаковы дѣтскими пѣсенками, поющимися по всей Россіи.

„Пѣсенки“ крестьянскихъ ребятшекъ печатались разъ въ педагогическихъ и этнографическихъ органахъ и сборникахъ, напр. въ журналѣ „Учитель“ за 1862 годъ, на стр. 778, 928, 980, 1072, 1168, 1231; за слѣдующій годъ, стр. 49, 99, 144, 289, 685 и 931; за 1864 годъ, въ 11—12, и за 1865 годъ, въ № 1. Пѣсенки для журн. „Учитель“ записаны Луканниномъ, Михайловымъ, Богословскимъ, Крыловой, Поспѣловымъ, Петровымъ, Мартыновымъ, Вологдинымъ и мною въ губерніяхъ: Олонецкой, Вологодской, Пермской, Харьковской, Симбирской, Казанской, Безсарабии и др. мѣстахъ. Въ журналѣ „Учитель“ пѣсни помѣщались безъ этнографической обработки; „Учитель“ преслѣдовалъ особую педагогическую цѣль,—онъ собиралъ матеріалъ для дѣтскихъ садовъ по планамъ Фребеля, о которыхъ въ тѣ шестидесятъ года подъ вліяніемъ С.-Петербургскаго Педагогическаго общества мечтали, трактовали и писали чуть не всѣ, саміе глухіе, уголки Россіи, какъ напр. нашъ Ядринскій уѣздъ гдѣ затѣвалось даже нѣчто подобное дѣтскому саду. (См. замѣтку В. К. Магницкаго въ 21 № Каз. Губ. Вѣд. 1865 г.). Кромѣ журнала „Учитель“ довольно много дѣтскихъ пѣсенокъ помѣщено въ „Сказаніяхъ Русскаго народа“ Схарова, въ „Бытѣ Русскаго народа“ Терещенко, встрѣчаются также дѣтскія пѣсни и прибаутки у Да. Афанасьева, Шейна, Якушкина, Рыбникова, Варенцова и у др.—въ ихъ собраніяхъ разнообразнаго этнографическаго матеріала.

Но изъ всѣхъ указанныхъ этнографовъ, только Саровъ и Терещенко дѣтскимъ пѣснямъ отвели подобающее мѣсто въ обрядовомъ и бытовомъ культѣ, снабдивъ ихъ комментаріями—когда, гдѣ и при какомъ случаѣ онѣ поются. Остальнымъ-же собирателямъ дѣтскія пѣсенки, случайно павшіяся имъ подъ руку, представляютъ собою совершенно необработанный, сырой матеріалъ.

Спеціально собираніемъ дѣтскихъ пѣсенокъ занимался Безсоновъ съ сотрудниками и, осмѣливаясь сказать, по родной мѣѣ Казанской губ. Собираніе г. Безсоновъ „Дѣтскія пѣсни“, посвященныя памяти кормилицы и няню

Василисы Зиновьевны, вышло въ Москвѣ 1868 г. Какъ по внѣшности книжки, такъ и по содержанію объяснительнаго текста видно, что г. Безсоновъ главнымъ образомъ преслѣдовалъ цѣль педагогическую, желая съ пѣсенками деревенскихъ чумазыхъ ребятшекъ ознакомить столичныхъ дѣтей высшаго круга, и—только отчасти этнографическую. О своемъ собраніи: „Изъ жизни крестьянскихъ дѣтей“, я умолчу, такъ какъ о себѣ ни хорошаго ни дурнаго говорить не принято.

Перехожу къ подробностямъ собраніяг. Рябинскаго.

1 Пѣсенку: „Тусени, тусени“, подъ № 4, г. Рябинскому слѣдовало бы отнести къ пѣснямъ обряднымъ, поющимъ на Васильевъ вечеръ, 31 дек. Здѣсь слова „тусени, тусени“ безъ сомнѣнія переначепныя, испорченныя слова таусень или авсень. Эта пѣсенка имѣетъ сходство съ колыдой, помѣщенной у Терещенки (Быть Рус. Нар., ч. VII, стр. 113). У Терещенки упоминается *орда*, у Рябинскаго — *татары*. По словамъ Терещенки, пѣсенка эта была извѣстна во времена татарскаго порабощенія(!)

2. На пѣсенку про Заньку (№ 6) я имѣю варианты въ одной старой рукописи, гдѣ въ припѣвѣ упоминается не *баринъ*, а *панъ*. Это обстоятельство заставляетъ отнести пѣсенку къ заимствованнымъ отъ малороссовъ. Эта пѣсенка моей рукописи слѣдующая:

— Занька сѣренькій!
Гдѣ ты былъ побывалъ?
•Былъ, былъ, пане мой,
Былъ, былъ, сердце мой,
Во лѣсочкѣ, въ тальничкѣ
На зеленѣхъ на лужкѣ.
— Занька сѣренькій,
Не видалъ ли ты кого?
•Видѣлъ, видѣлъ, пане мой,
Видѣлъ, видѣлъ, сердце мой,—
Три дѣвицы хороши,
Красавицы пригожи.
— Занька сѣренькій,
Не знаешь, какъ зовутъ?
•Знаю, знаю, пане мой,
Знаю, знаю, сердце мой,—
Катюша да Марюша
Да Дуляна удаа.

— Занька сѣренькій,
Не манили-ли тебя?
•Да манили, пане мой,
Да манили, сердце мой,
А Катюша-то рукой,
А Марюша-то другою,
А Дуляна удаа
За рученьку носила.
— Занька сѣренькій,
Не кормили-ли тебя?
•Накормили, пане мой,
Накормили, сердце мой,
А Катюша-то блинами,
А Марюша пирогами,
А Дуляна удаа
Кашу масляной дала.
— Занька сѣренькій,
Населили-ли тебя?

•Напомни, наве мой,
Напомни, сердце мой,—
А Катюша-то пивцомъ,
А Мариюша-то винцомъ,
А Дуляша удаля
Шкаликъ водки подала.
— Занька сѣренькій,
Ты не спалъ-ли съ кѣмъ?
•Спалъ, спалъ, наве мой,
Спалъ, спалъ, сердце мой,—
У Катюшѣ на рукѣ,
У Мариюшѣ на другой,
У Дуляши удалой
На перинѣ пуховой.
— Занька сѣренькій,

Проводи-ли тебя?
•Проводили, наве мой,
Проводили, сердце мой,—
Катюша-то изъ дверей,
Мариюша-то изъ сѣней,
А Дуляша удаля
За ворота провела.
— Занька сѣренькій,
Не поблизи-ли тебя?
•Близи, близи, наве мой,
Близи, близи, сердце мой,—
А Катюша-то рукой,
А Мариюша-то другой,
А Дуляша удаля
За усни подрала.

3. Пѣсенку № 8, „Изъ подъ дуба, дуба“ нельзя отнести собственно къ дѣтскимъ; она перенята ими отъ взрослыхъ принадлежитъ къ святочнымъ игровымъ пѣснямъ. См. „Святочные пѣсни“, № 54-й.

4. Что касается до прозвищъ, то количество ихъ у Рябинскаго весьма ограничено. Едва ли найдется и одно часто употребляемое въ народѣ имя, которое бы имѣло своего эпитета. Я уже послѣ изданія книжки „Жизни крестьянъ дѣтей“ въ одинъ вечеръ записалъ ихъ до Многיא изъ этихъ прозвищъ принадлежать взрослымъ отличаются слишкомъ большою нескромностью, чтобы привести здѣсь. Одни изъ прозвищъ самобытно, нарочъ сложились для извѣстныхъ именъ, другія заимствованы другихъ произведеній народной фантазій, какъ-то: пѣсенокъ, загадокъ, пословицъ и т. п. Вотъ нѣсколько записанныхъ мною прозвищъ:

1. На мужскія имена.

- а) Петяка—горька рѣдька.
- б) Федя-реда съгъ медька,
Поймалъ кошку—отъгъ кошку.
- в) Долгій Антошка
- г) Володька-колodka.
- д) Иринка—полка ширинка.
- е) Самя—бани,
Сашка—чашка.

- ж) Архивъ—охранъ.
- з) Осинъ—осдъ.
- и) Тарасъ—ноги о насъ.
Ходилъ Тарасъ по базару
Украгъ на холгора ста тоа
- і) Егоръ—багоръ,
Старинный воръ.
- к) Гришка—чунрышка.
- л) Ворисъ и Гибъ
Съютъ хгбъ.

- и) Ниполить—безъ пороку налить. б) Забра праздникъ Луи
п) Яшка—красна рубашка, Поцѣлуй мнѣ руки.
Синя ластовица. в) Ессей—ней по воей.
о) Ерсей—про себя разумѣй. г) Моисей—носакъ.
п) Макарка—пишетъ огаркомъ. д) Николка—въ заду игранъ.
На бѣднаго Макара шивши е) Стренти-бренти
валатся; Кумъ Терентій.
Вчера Макаръ грады копагъ, ж) Птруни, труни.
А нынче онъ въ воеводы Кумъ Птруна.
ноцагъ. з) Фелотъ—да не тотъ.

Макаръ телать гонать.

- р) Коть Наумъ—илумъ, на-умъ.
с) Родивонъ—поди вонъ.
т) Вассарионъ—а..... вонъ.
у) Семка-дысенка
Съѣлъ поросенка.
ф) Спирия—разута нога.
х) Севастьянъ—неузнагъ
Своихъ крестьянъ.
и) Степка—растренка.
Степанъ—стананъ.
ч) Тить, пойдѣмъ молотить!
— Брюхо болитъ.
Тить, пойдѣмъ пиво пить!
— Постой, оболонусь.
ш) У Ермошки на носу
Вли черти колбасу.
щ) Васька котъ—блины нескъ.
Васька—козелъ.
з) Разъѣлся Трофимъ;
Не подбавить ли дробинъ!
Трошка—на одной ножкѣ.
ы) Филъ—простоемъ.
Филиппъ—на заплатахъ прилиппъ
ь) Федулъ, что губы надулъ?
— Каѣтавъ прожеть.
ѳ) Немели, Емели;
Не твоя медѣля!
э) Феофанъ—фосанъ
ю) На безлюдьѣ Ѧона дворянинъ. р) Олена—солѣна.
Ѧона—большая крома. с) Лиска—слизка.
л) Уда—чудо-юдо. т) Зина—разина.
е. Костя гложетъ кости. .. Зинка—картинка.
а) Совѣтъ Максимъ у) Тетра Аринъ
И котонка съ инъ. Носи-ка перину!

II. На женскія шенки:

- и) Кошка Мазра, на-э-ри, на-э-ри
і) Гулай, гулай, Мамал
Пока воли наша.
Занужь отдадутъ,
Такой воли не дадутъ,
к) Дуна—а.... гуна.
Дуница не наша,
Не нашего берина.
Дуница-вдуница,
Вадуй огня,
Поцѣлуй мнѣ!
л) Уста—ручана спуства.
Устюшкина мать
Собиралась умирать,
Умереть не умерла,
Только время провела.
м) Ты Настасья, ты Настасья,
Отворай-ка ворота!
н) Огашка—покажи-ка!
о) Акулина Савинна,
Вчерашная, дзевинна.
Акулина—шуба длинна,
Изъ подъ шубы видѣе.
п) Анна—затычка банна,
Шейна—комѣйна,
Изъ носу сомолина.
р) Олена—солѣна.
с) Лиска—слизка.
т) Зина—разина.
.. Зинка—картинка.
у) Тетра Аринъ
Носи-ка перину!

- е) Улита Рогова.
 Улита, Улита, высуши рога!
 х) Велика Федора, да дура.
 Тетки Облары
 Дерите подошлы!
 и) Людмила—подлизъ мила.
 ч) Бабушка—Макрина Прохорова.
 ии) Матрена—дрена.
 ищ) Маланья—барыня.
 Настрепала Маланья
 На Маланьину свадьбу.
 з) Надежда—худая одежда.
 ы) Сраженіе-Баталия.
 При теткѣ Наталіи.
 ь) Палашка—смолены голышки.
 ъ) Феняка, спой коробенку!
 е) Олыушка—солена лгушка.
 ю) Прасковья—шуба заскорбля.
 Паранька, кась тарань-ка!
 Треть, треть, балайка!
 Не моя жена Паранька!
 л) Антонина—въ приколнѣ.
 о) Раиса—нагазейна крыса.
 а) Серасина—с... мимо.
 б) Соель зелены сопли.
 Швель Соель.
 в) Ненила—гъивва.
 Ненила искрорыла.
 г) Татьяна—пыва.
 д) Хаврошка дыра воронья;
 е) Фетинья—Борисова.
 ж) Феняка—свела,
 Дыра мокра.
 з) Уляшка, Уляшка,
 На бородѣ болышка,
 На ногѣ дорывашка.
 Бабушка Улява,
 Гдѣ была, гуляла?..
 и) Хюна—распилона.
 і) Домна—скроша.
 к) Василиса—у.....!
 III) Но наружности и и
 л) Рыжий—бесстыжий.
 и) Черный цыганъ.
 и) Безналы культа.
 о) Хроная колтыного
 Народила дѣтей много,
 Вывела дѣтей,
 Слѣныхъ чертей.
 и) Лѣша—исправедна душ
 р) Курносый куеора,
 Курноса балайка
 Курноса бада,
 с) Стриженный прыжка, ст
 ж) На работѣ черти въ с
 и
 у) Пучеглазый-сова.
 Глаза-то по ложкѣ,
 Не выдуть ни крошки.
 Глади право,
 Вспреди-то ама!
 о) Плохой-плохота
 Кунилъ лошадь безъ хл
 Подвагалъ корытце,
 Поѣхалъ жениться.
 х) А пьаница дурачекъ
 Пошелъ рано въ кабач
 Тамъ его былъ
 Въ четыре дубины.
 Пата осина
 По бокамъ, возила.

Б. Г. Рабинскимъ записаны три пѣсенки обрядныя
 торны поются дѣтми подѣ новый годъ. Эти пѣсенки
 ютъ особое значеніе. Онѣ поются въ честь народнаго
 ика, а, можетъ быть, и языческаго божества, котора
 вѣстенъ полъ разными названіями: авсена, таусена,
 ия, колады и пр. Названіе авсена въ некоторые провиз

отъ слова *овесъ*, потому что колядовщици, переходя изъ избы въ избу, обсыпаютъ овсомъ полъ и хозяйсъ, приговаривая: „на счастье, на здорovie, на новое лѣто роди, Боже, жито“! Другіе производятъ отъ слова *осеня*, о веснѣ осени; такъ думаютъ и потому, что до 1348 г. новое лѣто начиналось съ весенняго мѣсяца марта. Нѣкоторые производятъ отъ *ясный*, ясень, авсень, указывая на солнце, свѣтъ, блескъ, а поэтому, замѣчу я, и *ярию* можно производить отъ *яркій*. Авсень въ старину празновался не на сѣдкахъ, а весною, при наступленіи новаго года, но съ того времени, какъ Петръ 1-й перевелъ новый годъ на 1 января, авсенные обряды сами собою перешли на тоже число, а въ нѣкоторыхъ лѣстахъ и совершенно утратились.

Ученымъ нашимъ этнографамъ авсенныя пѣсенки и обычаи извѣстны только въ губерніяхъ Рязанской, Симбирской, Владимірской, Нижегородской и Пензенской, на основаніи пѣсенокъ, записанныхъ г. Рябинскимъ и одной колядки, записанной тоже въ Лашевскомъ уѣздѣ мною, слѣдуетъ причислить сюда и Казанскую губернію.

Какъ вариантъ на пѣсенку *тауси*, записанную Рябинскимъ, приведу здѣсь другую пѣсенку, въ которой послѣ каждаго стиха пригѣвается а—тауси:

Летѣла пана
Черезъ зелену дуброву,
Перышки роняла
На сырую землю.
Два братца ходили,
Перышки собирали.
— На что вамъ перышки?
Стрѣлы перить.
— На что стрѣлы перить?
Куньковъ стрѣлать.
На что вамъ куньковъ?
Шапки шить.
— На что вамъ шапки?
Шурьевъ дарить.
Шурья—братья спѣсные:
Въ гости не ѣдутъ.

Хотя и приѣдутъ,
На дворъ не взѣдутъ;
Хотя и взѣдутъ,
Съ коней не слѣзутъ;
Хотя и слѣзутъ,
Въ сѣни не войдутъ;
Хотя и войдутъ,
Въ избу не войдутъ;
Хотя и войдутъ,
Боду не молатся;
Хотя помолатся,
За столъ не садутъ,
Хотя и садутъ;
За хлѣбъ—соль не примутся;
Хотя и примутся,
Будутъ чваниться.

Записанная у г. Рябинскаго пѣсенка: „Зай, зай, Карагалка“ есть и въ моемъ собраніи. Едвали пѣсенка эта

не сохранила слѣдовъ язычества, и не относилась къ ну. На это указываютъ: во 1-хъ, слова *зай*, *зай*: *зай* *свѣтъ*, *огонь*; *зай* — *зіяй*, *сіяй*; *заяць* *зіяецъ* — названіе *сица*. („*Заяць* *мѣсяць*! *гдѣ* *былъ*? *въ* *лѣсѣ*“. *Дѣт. пѣс.* 2-хъ указываютъ слова *каракуля* или *каракажа*—если стить, что они образовались отъ древняго слова *караона* *перуны*, *стрѣлы*, *громъ*, *молнія*. Въ 3-хъ *Каракулям* у теперь называется неумѣле штрихи начинающихся у *письму*, *кривыя* и *ломовыя* *черточки* весьма походя на *нію*, какъ она изображается на *картинкахъ*, и *стрѣлы*. *жетъ* *быть*, во времена *идолопоклонства* съ *пѣсенькой*: *зай*, *Каракуля!*“ т. е. *Сіяй*, *сіяй*, *молнія!* *дѣти* *язычн* *обращались* къ *громовержцу* *Перуну* и *молніи*. *Приба* *что* въ *нѣкоторыхъ* *вариантахъ*, *напр.* у *Безсонова*, в. „*Зай*, *зай*, *каракуля*“ *пѣсня* *начинается* *словами*: „*Въ* *коляда*, *гдѣ* *ты* *была*“, — а *коляда*, какъ *извѣстно*, *при* *валясь* *въ* *честь* *Перуна*. На то же *намекаетъ* и *окон* *прибаутки*: „*Гдѣ* *Коляда?* *Въ* *нечи* *была*...“

А. Можаровъ

IV. КЪ АРХЕОЛОГИИ УРАЛА

Цѣль настоящей замѣтки—познакомить съ нѣкоторыми фактами, касающимися прежнихъ обитателей части Пермскаго края, именно, Екатеринбургскаго уѣзда, гдѣ привелось провести лѣтніе мѣсяцы 1883 и 1885 годовъ. Имѣя въ виду при посѣщеніи этого края въ районѣ дачъ заводовъ: *Тымскаго*, *Каслинскаго*, *Верхъ-Исетскаго*, *Верхъ-Нейвинскаго*, *Верхне-Тагильскаго*, *Шайтанскаго*, *Билимбаевскаго* и *Росинскаго*, цѣли чисто геологическія, я могъ удѣлить археологическую, весьма ограниченную часть времени. Не въ пользу привнесло мнѣ пріятное участіе въ моей рѣдкихъ любителей археологій: я долженъ указать на П. И. Карташева, раздѣлявшаго мои труды по рас-

нѣкоторыхъ городищъ въ Кыштымскомъ округѣ и продолжавшаго отчасти производить раскопки и впоследствии, уже по моему отъѣздѣ изъ Кыштыма, и приславшаго мнѣ найденныя имъ вещи въ Казань.

Найденныя мною, а также приобретенныя покупкою и полученныя частью въ подарокъ отъ разныхъ лицъ вещи состоятъ изъ *каменныхъ и костяныхъ орудій, черепковъ глиняной посуды, мѣдныхъ и деревянныхъ вещей*; къ нимъ нужно присоединить еще найденныя при раскопкахъ городищъ *кости животныхъ и встрѣченныя мною въ нѣкоторыхъ пунктахъ желѣзные шлаки.*

I.

Каменные орудія.

Онѣ встрѣчены мною въ слѣдующихъ мѣстахъ: на западномъ берегу оз. Улогача, — на мысу, вдающемся въ озеро. близъ записки Ст. Сырейщикова (въ Кыштымской дачѣ) и въ двухъ пунктахъ на берегу оз. Аятскаго (въ сѣверо-восточной части Верхъ-Нейвинской дачи): въ 4 верст. на ЮЗ. отъ Аятской плотины, на мысу, носящемъ названіе „Сухого ельника“ и въ 4 верст. на Ю. отъ той же плотины, на т. н. Молебномъ островѣ (собств. полуостровѣ).

Кромѣ того, мнѣ удалось приобрести въ с. Воскресенскомъ (Каслинск. дача) отъ одного крестьянина долото, найденное имъ на пашнѣ, близъ оз. Карагуза, и кусокъ полосатой яшмы (полосы темно-красныя и темно-зеленыя) служившей, вѣроятно, матеріаломъ для откаливания отъ нея кусковъ съ цѣлью обдѣлки ихъ въ орудія. Кусокъ яшмы найденъ въ верстѣ отъ оз. Синары, лежащаго къ западу отъ оз. Карагуза, тоже на пашнѣ. Наконецъ, мною собраны свѣдѣнія, что каменные орудія встрѣчаются еще на берегахъ оз. Акакуля и Кызылташа, лежащихъ въ Кыштымской дачѣ. На восточномъ берегу Акакуля найдены были, по словамъ П. Н. Карташева, на глубинѣ одной сажени,

въ золотосной россыпи чаша и пестикъ изъ зел. камня. Что касается оз. Кызылташа, то каменные о. встрѣчаются здѣсь, по словамъ мѣстныхъ жителей, на з. номъ берегу, близъ запяки И. Сорокина.

На берегу оз. Улогача найдены мною слѣдующія: сверло изъ свѣтло-сѣраго кремня, длин. ок. 4 сантим., с. изъ темно-пепельно—сѣраго кремня, длин. ок. 6,5 см., скребки изъ того же кремня, кусокъ темно-зеленой я. имѣющей съ одной стороны рядъ граней, указывающихъ отбитые отъ него осколки, и, наконецъ, осколки трехгр. формы темно-пепельно—сѣраго кремня.

На западномъ-же берегу Улогача, какъ мнѣ переда. неподалеку отъ того мѣста, гдѣ найдены каменные о. встрѣчаются черепки глиняной посуды съ орнаментами.

На берегу Аятскаго озера, на мысу „Сухой ельв. въ песчаномъ слоѣ, лежащемъ на гранитѣ, начиная поверхности и до глубины вершковъ 4, встрѣчаются к. ния орудія вмѣстѣ съ большимъ количествомъ чер. глиняной посуды, снабженныхъ часто разнообразнымъ наметами; кромѣ того, здѣсь найдены конусъ изъ жевой глины, назначеніе котораго неизвѣстно, и м. стрѣлка.

Изъ каменныхъ орудій добыты здѣсь слѣдующія: с. изъ чернаго кремня, долото изъ проникнутаго известью кр. два скребка, сдѣланные, вѣроятно, изъ сложной крист. чешской породы, и, наконецъ, неподѣланное долото.

На полуостр. Молебномъ, въ водѣ, у берега на нѣсколько черепковъ съ орнаментами и стрѣлка изъ ч. кремня.

Я могу указать еще на одну мѣстность, гдѣ мнѣ лось найти черепки изъ тальевой глины съ орнамент. подобной Аятской: это—сѣверный берегъ Шигирскаго о. лежащаго къ западу отъ оз. Аятскаго, въ той же В. Нейвицкой дачѣ. На нѣкоторые находки, сдѣланныя этой мѣстности, указываетъ также А. П. Ивановъ¹⁾ немъ изъ торфаника СВ.-го угла Шигирскаго озера с.

¹⁾ Материалы къ антропологии Пермскаго края, стр. 1 (Труды Каз. Общ. Ест. Т. X, в. 1).

арш. глубины кромѣ черепковъ были добыты еще слѣдующіе предметы:

а) нѣсколько обломковъ костей, между ними зубъ современнаго медвѣдя.

б) круглая, плоская плитка изъ хлоритоваго сланца съ круглымъ отверстіемъ въ срединѣ.

с) неподѣланное каменное орудіе изъ хлоритоваго сланца.

Кромѣ того, по показанію г. Иванова, на трехаршинной глубинѣ, какъ онъ слышалъ отъ старателей, подъ торфомъ найдена деревянная ложка грубой работы, а на днѣ Шигирскаго озера при спускѣ его съ цѣлью промывки песковъ—полірованныя каменныя орудія.

II.

Костяныя орудія.

Изъ костяныхъ вещей, приобретенныхъ мною въ 1883 году, у меня имѣется только обломокъ какого-то надѣлія изъ кости, найденный при раскопкахъ городища на остр. Жимолостномъ (оз. Иртышъ).

Въ 1885 году мною получено въ подарокъ отъ смотрителя Шуралинскаго принца (Верхъ-Нейвинская дача) А. И. Бострема пять костяныхъ орудій, изъ которыхъ одно почти совсѣмъ цѣльное, а остальные четыре болѣе или менѣе обломаны; всѣ онѣ найдены при разработкѣ золотоносной розсыпи Шигирскаго принца въ черномъ торфѣ на глубинѣ 5 арш. вмѣстѣ съ обломкомъ нижней челюсти щуки (*Esox lucius* L.).

Одно изъ этихъ орудій, наиболѣе цѣльно сохранившееся, имѣетъ на-половину сжатоцилиндрической видъ, наполовину ланцетообразную форму съ вырѣзкою по срединѣ; къ концу оно все болѣе и болѣе заостряется, причѣмъ вырѣзка не доходитъ нѣсколько до конца орудія, которое слегка изогнуто. Другое орудіе снабжено мелкими зубчиками, начинающимися въ разстояніи 5 сантим. отъ остраго конца его; это и предъидущее орудія представляютъ, вѣроятно, стрѣлы. На третьемъ—зубчики крупнѣе, къ обоимъ концамъ оно становится тоньше и служило, вѣроятно, гарпуномъ.

Четвертое орудіе является въ видѣ обломка, составлявшій вѣроятно, среднюю часть стрѣлы, и, наконецъ, пятое—си стрѣла—имѣетъ видъ граненаго конуса. Находятъ костян вещей близъ Шигирскаго озера дѣлаются, вообще, нерѣ Такъ, по свѣдѣніямъ, полученнымъ мною въ Верхъ-Нейской заводской конторѣ, въ верстѣ отъ Шигирскаго оз по лѣвую сторону Шигирскаго истока, подъ торфомъ, глубинѣ 7 аршинъ, на золотосодержащемъ пескѣ най роговое перо отъ весла, а въ разстояніи отсюда 40 саж обломокъ костяного книжала.

III.

Мѣдныя вещи.

Мною лично найдены: мѣдная стрѣлка, встрѣчен какъ уже сказано выше, вмѣстѣ съ каменными орудіям черепками глиняной посуды на берегу Аятскаго озера („хой ельникъ“) и полоска изъ красной мѣди, найденная раскопкахъ городища на остр. Жиломостномъ. Кромѣ т неправильной формы кусочекъ красной мѣди встрѣченъ И. Карташевымъ при раскопкахъ городища на юго-вос номъ берегу оз. Иртыша. Въ этимъ вещамъ нужно при динить еще кельтъ, приобретенный мною отъ крестьян Нижне-Кыштымскаго завода и найденный имъ саж. въ отъ городища на берегу оз. Б. Нанюги, на пашнѣ, вправо дороги изъ Кыштыма въ Касли, и изображеніе птицы, литое изъ красной мѣди, служившее, вѣроятно, какимъ ни украшеніемъ, купленное мною у кр. Каслинскаго завода, шедшаго его на берегу полуостр. Мандаркина (оз. Сила

Наконецъ, имѣются еще слѣдующія указанія мѣсти жителей на нахождение мѣдныхъ вещей.

1) На восточномъ берегу оз. Акакуля вмѣстѣ съ чаш и пестикомъ, о которыхъ сказано уже выше, найдены (мѣдными стрѣлки, дл. $\frac{1}{2}$ вер.

2) Мѣдныя вещи, но какія, именно, неизвѣстно, в дли на берегу оз. Кызылташа и у остр. Желѣзки.

3) По свѣдѣніямъ, полученнымъ въ Верхъ-Нейвнн конторѣ, были найдены два мѣдныхъ ножа на правой стоу Шигирскаго истока, около Шигирскаго озера, подъ торф

на глубинѣ 3 арш. Здѣсь же я долженъ упомянуть о другой находкѣ, о которой я узналъ въ той же конторѣ,—о формѣ для отливки кельтовъ, найденной на Андреевскомъ пріискѣ (въ югу отъ Шигирскаго озера), на глубинѣ 2 аршинъ, подъ чернымъ торфомъ, на золотосодержащемъ пескѣ.

IV.

Вещи изъ дерева.

Сюда относится только деревянный сосудъ, полученный мною въ подарокъ отъ смотрителя Курьинскаго 2-го пріиска (около сѣверо-восточн. бер. Шигирскаго озера) Н. Т. Попова. Онъ найденъ здѣсь на глубинѣ 5 $\frac{1}{2}$ аршинъ, подъ чернымъ торфомъ. Условія, при которыхъ найденъ этотъ сосудъ, показываютъ, такъ обр., что въ то время, когда еще не существовало мощной толщи торфа въ 5 $\frac{1}{2}$ аршинъ, къ теперешнему Шигирскому озеру примыкало другое (или, м. быть, то же Шигирское озеро занимало гораздо большую площадь); на дрѣ этого озера осаждался илъ, куда случайно могъ упасть и деревянный сосудъ, принадлежавшій къ числу вещей, употреблявшихся населеніемъ, жившимъ по берегамъ озера. Сосудъ этотъ служилъ, вѣроятно, для хранения масла, на что указываетъ узкій каналообразный носикъ его. Онъ сдѣланъ довольно изящно и снабженъ ручкою, которая съ нижней стороны имѣетъ рядъ зубцевъ, а внутри выдолблена, вѣроятно, для того, чтобы можно было вставлять въ нее какую нибудь палку; мѣстами прикрѣпленія послѣдней къ ручкѣ сосуда были промежутки между зубцами: на подобнаго рода предположеніе наводитъ то обстоятельство, что наружная часть ручки сосуда является свѣтлѣе остальной части его.

V.

Вещи, найденныя при раскопкахъ городищъ въ Каслинско-Кыштымской дачѣ.

Въ заключеніе, мнѣ остается сказать еще нѣсколько словъ о городищахъ, встрѣченныхъ мною въ 1883 году въ Каслинско-Кыштымской дачѣ.

Онѣ расположены обыкновенно на мысахъ, вдающихся въ озера, окруженныхъ, т. е., съ трехъ сторонъ вода съ четвертой—со стороны суши—защипенныхъ рвомъ валомъ. Такія городища осмотрѣны мною въ слѣдующихъ пунктахъ: 1) на мысу, вдающемся въ оз. Б. Наного (на восточный берегъ озера), влѣво отъ дороги изъ Кышты въ Касли, верст. въ 9 отъ Кыштыма; 2) на юго-восточномъ берегу оз. Иртыша и 3) на Мосъкинномъ и Жилмолинскихъ островахъ на оз. Иртышѣ.

Кромѣ того, мнѣ приходилось слышать отъ мѣстныхъ жителей о существованіи городищъ и въ др. мѣстахъ да такъ, напр., на остр. Змѣиномъ (оз. Б. Наного) и въ н. др. пунктахъ.

На существованіе городища на юго-восточномъ берегу оз. Б. Наного указываетъ еще Палласъ ¹⁾, подробно описывающій это городище, а также—другое, гдѣ мнѣ не повелось быть, находящееся на южномъ берегу того же озера. Онъ говоритъ, что мѣстные жители называютъ эти городища чудскими, что имъ неизвѣстно, какой народъ населялъ ихъ и что, по его мнѣнію, онѣ не похожи на татарскія укрѣпленія.

Высота вала и ширина рва, защищающихъ Наного городище со стороны суши, не одинаковы на всемъ его протяженіи. Наибольшая высота вала—1,5 саж., а ширина—арш. 4.

При раскопкахъ на склопѣ городища, обращенномъ къ озеру, найдены: два куска обожженной глины съ отпечатками пальцевъ, кусокъ той же глины съ отпечатками дерева (глина очевидно, служила матеріаломъ для приготовления горшечной посуды), черенокъ послѣдней и зубы лошади. На поверхности, по склону попадались шлаки отъ плавленія железныхъ рудъ, которая производилась, можетъ быть, уже на лѣнѣмъ. Поздвигнувшимъ валъ и ровъ, а. м. б., и позднѣйшими обитателями этого городища, избравшими его мѣсто своего жительства.

Два образца такого шлака подвергнуты были, по просьбѣ П. И. Карташева, анализу въ Кыштымской заводской лабораторіи.

¹⁾ Pallas. Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reichs. II Theil. Erstes Buch, стр. 129—131.

тории, произведенному лаборантом оной г. Симоновым, получившимъ слѣдующіе результаты:

	№ 1.	№ 2.
Кремнезема . . .	25,87%	17,34%
Глинозема . . .	15,12	10,19
Извести и магнез.	1,14	1,59
Жел. металлы . . .	45,44	52,32

Какъ показываетъ анализъ, количество желѣза, оставшагося въ шлакѣ, весьма значительно, что указываетъ, въ свою очередь, на несовершенство процесса выплавки желѣза изъ рудъ, производившейся обитателями городища. Раскопки, произведенныя на городищѣ, лежащемъ на юго-восточномъ берегу оз. Иртыша, уже по моему отъѣздѣ, П. И. Карташевскимъ, дали слѣдующіе результаты: найдено много раздробленныхъ трубчатыхъ костей животныхъ, черепковъ глиняной посуды, между ними—черепокъ отъ края горшка изъ обожженной глины съ орнаментами, два кружка изъ тальковаго сланца и кусочекъ красной мѣди, о которомъ уже сказано выше—при мѣдныхъ вещахъ. На одномъ изъ кружковъ, меньшихъ размѣровъ, кромѣ центрального отверстія видно на одной сторонѣ 14 радиальныхъ бороздокъ, а на другой—нихъ не замѣчается, но за то есть болѣе короткія бороздки на стѣнкахъ самаго отверстія. На другомъ кружкѣ нѣсколько болѣе величины находится только центральное отверстіе. Кружки эти служили, вѣроятно, грузилами.

И здѣсь, подобно тому, какъ на Наногскомъ городищѣ, также встрѣчаются шлаки. По словамъ П. И. Карташева, у подножія городища можно замѣтить печи для плавки руды, устроенныя въ ложкахъ; матеріаломъ, изъ котораго складывались эти печи, служила бѣлая глина, куски которой въ ошлакованномъ видѣ найдены тутъ же.

Городище на Моськинномъ островѣ, осмотрѣнное мною и подвергнутое раскопкамъ, находится на послѣднемъ къ востоку мысу южной стороны этого острова (т. е. Ужовая гора). При раскопкахъ на площадкѣ городища найдены битыя кости животныхъ и черепокъ, тогда какъ на склонахъ городища, за исключеніемъ восточнаго, ничего не найдено.

На послѣднемъ съ поверхности встрѣчались шлаки ¹⁾ руда, изъ которой выплавляли желѣзо, глубже—раздробленныя кости животныхъ, часто зубы лошади, черепки глиной посуды съ орнаментами и безъ нихъ. Здѣсь же видны двѣ ямы, назначеніе которыхъ, нужно думать, то же что ямы, наблюдаемыхъ на остр. Желѣзки.

Четвертое и послѣднее городище, на которомъ произдѣлись раскопки и, притомъ, два раза—въ двѣ поѣздки, вершенины сюда въ различное время,—лежитъ къ югу (Моськина острова, на остр. Жимолостномъ.

Здѣсь найдены въ большомъ количествѣ черепки глиной посуды, обыкновенно изъ необожженной, верѣдко тальвой глины, часто украшенные разнообразными орнаментами: битыя трубчатая кости животныхъ, кости птицъ, обломки нижней челюсти барана, тазовая кость коровы, зубы лошади, кружки изъ глины, кусочки темно-сѣраго и чернаго кремня вмѣстѣ съ этими находками встрѣтились: полоска изъ бронной мѣди и обломокъ какого-то издѣлія изъ кости съ тремя отверстіями и выемкою у края. Объ этихъ двухъ послѣднихъ вещахъ упомянуто уже выше.

Описанныя мною городища Каслинско-Кыштымской дѣль имѣютъ, по моему мнѣнію, большое сходство съ чудскими городищами Соликамскаго уѣзда, описанными А. П. Ивановымъ (I. с., стр. 23, 24): здѣсь также находятъ много раздробленныхъ костей животныхъ, между ними—кости оленя, свиньи, но болѣе всего лошадиныхъ, и черепки глиной посуды съ орнаментами.

Александръ Зайцевъ.

¹⁾ Они встрѣчаются еще на остр. Желѣзки, на южной сторонѣ его, гдѣ видны также ямы, служившія, вѣроятно, мѣстомъ, устроеннымъ печи для выплавки руды.

V. Нѣсколько словъ о русскомъ вліяніи на инородцевъ Казанскаго края.

Въ ряду этнографическихъ задачъ, разрѣшеніе которыхъ галагается на Казанское общество Археологіи, Этнографіи и Исторіи условіями его дѣятельности, видное мѣсто занимаетъ опредѣленіе русскаго вліянія на финскія племена, послѣдованіе направленія, по которому оно совершается, и его главныхъ факторовъ. Общество располагаетъ разнообразными средствами для разрѣшенія этой важной задачи. Оно можетъ послѣдовать путемъ экскурсій внѣшній бытъ финскихъ народцевъ, по даннымъ языка опредѣлять количество новыхъ понятій, вошедшихъ въ сознаніе этихъ народцевъ и, наконецъ, путемъ изученія инородческой поэзіи указать тѣ духовныя приобрѣтенія, которыя сдѣланы инородцами подъ вліяніемъ сожителства съ русскимъ народомъ. Къ какому важному результату можетъ повести дѣятельность общества въ последнемъ изъ указанныхъ направленій, показываютъ изданія мѣстнаго Православнаго Миссіонерскаго Общества. Я позволю себѣ обратить вниманіе г.г. членовъ Археологическаго Общества на содержаніе двухъ изданій: на „Образцы мордовской народной словесности. Сказки и загадки (Казань 1883)“ и на „Произведенія народной словесности... Вотяковъ Казанской и Вятской губерній (Казань. 1880).

Въ двухъ названныхъ сборникахъ заключаются указаніе на русское вліяніе въ области экономическаго строя, домашняго быта и духовной жизни.

Произведенія народной словесности Вотяковъ показываютъ намъ, что переходъ Вотяковъ отъ звѣроловой жизни къ земледѣльской совершился подъ русскимъ вліяніемъ. Въ вотяцкой легендѣ о Тутюѣ и Янтамырѣ сохранилось воспоминаніе о времени, когда Вотяки хлѣба не сѣли (Прозв. нд. слов. Вот. стр. 144). Одно изъ земледѣльческихъ орудій — серпъ — называется въ вотяцкихъ загадкахъ „русской старушкой“: „русская старушка по всему полю кружится“ (Ibid. 113). Подъ русскимъ-же вліяніемъ обратились Вотяки, какъ видно изъ данныхъ языка и народной словесности, и къ отхожимъ промысламъ, напр. къ бурлачеству. Въ пѣсняхъ Вотяковъ Малмыжскаго уѣзда Вятской

губерніи слово „бурлакъ“ употребляется безъ перевода 105). Русское бурлачество передало Вотякамъ не только сущность своей дѣятельности, но и ее организацію средства, которыя даютъ дѣятельности бурлацкой необходимую солидарность и гармонию — свой знаменитый трудовой маршъ — „дубинушку“. При спусканіи плоту воду Малмыжскіе Вотяки поютъ

«Охъ вы Пушка зеленый,
Раззеленую подерисагъ.
Ой нудко раз да ницо!
Ой орозом дагъ айда раз ницо!
Ой орозом дагъ айда раз ницо!

Продолжается пѣсня уже по Вотяцки (ibid. 38). На домашнемъ бытѣ Вотяковъ русское вліяніе отразилось настолько можно судить по однимъ даннымъ народной веселости, между прочимъ въ употребленіи свѣтца для ны. На первоначальное заимствованіе свѣтца у русскіхъ указываетъ относящаяся къ нему загадка: „русская старуха крадетъ кровью“ (ibid. 116).

Въ области духовной жизни русское вліяніе на Вотяковъ обнаруживается въ заимствованіи русскихъ пѣсенъ (сѣнъ) и сказокъ.

Въ святочной Вотяцкой пѣснѣ за вотяцкими стрелами ѣдетъ русскій припѣвъ:

Ой люблю душевно!
Любизмушки дожидается.
Жонихъ парень молодой.

Среди небольшого собранія вотяцкихъ сказокъ приведенныхъ въ рассматриваемомъ изданіи, пять обнаруживаютъ несомнѣнно заимствованіе у русскихъ; таковы: о Иванѣ Котовшикѣ и лѣсныхъ звѣряхъ, которыхъ заставляетъ хитростью служить ему, тождественная по сюжету съ приводимой у Афанасьева сказкой о Котофеловичѣ, сказка о волшебницѣ Обидѣ и Ванькѣ, тождественная съ русской сказкой о Лутонѣ и бабѣ-Ягѣ, таковы историческіе рассказы о наивныхъ людяхъ, которые ѣсть овсаную муку (толокно), разведя его въ рѣкѣ

129, 183), тождественные съ известными разсказами о Вятчяхъ; нѣкоторыя изъ этихъ сказокъ заимствованы цѣлкомъ, другія приурочены къ содержанію вотяцкихъ. Сказка объ Обидѣ и Ванькѣ показываетъ, что Вятки приурочили содержаніе русской сказки къ образу волшебницы, созданномъ финской мифологіей (Обида — черемис. Абда — алая волшебница). Сборникъ мордовскихъ сказокъ и загадокъ даетъ указанія на то, что вмѣстѣ съ нѣкоторыми предметами сельскаго хозяйства, напр. съ овощами къ Мордвѣ перешли отъ русскихъ и относящіяся къ нимъ загадки, такъ относительно бапусты существуетъ мордовская загадка: „на немъ сорокъ рубашекъ по колѣно (мордовскія слова 301)“, сходная съ русской загадкой: „сорокъ одѣжекъ — всѣ безъ застежекъ“, относительно огурца: „Полна церковь людей — ни овошекъ, ни дверей“ (ibid. 307. № 74), тождественная съ русской загадкой: „безъ окошекъ, безъ дверей полна горница людей“. Въ числѣ заимствованныхъ загадокъ слѣдуетъ отнѣтитъ также загадку, относящуюся къ печи: „Мать-то толста, дочь ея красна, а сынъ боекъ — въ небо ушелъ“. Эта загадка представляетъ собою переводъ известной русской.

Мордовскія сказки представляютъ еще болѣе, чѣмъ вотяцкія явныхъ заимствованій изъ русскаго сказочнаго богатства. Онѣ указываютъ на заимствованіе Мордвой у русскихъ нѣкоторыхъ мифологическихъ представленій, можетъ быть не чуждыхъ и мордовской мифологіи, но уже въ русской окраскѣ — напр. представленія о Бабѣ-Ягѣ, которая подъ этимъ именемъ фигурируетъ и въ мордовскомъ текстѣ сказки. Изъ области животнаго эпоса въ мордовскую народную словесность перешли сказки: о Котѣ, Лисѣ и лѣсныхъ звѣряхъ, (ibid, 22) о старикѣ и медвѣжьей ногѣ, (ibid. 7) о томъ, какъ мужикъ и медвѣдь вмѣстѣ съѣли рѣпу и розъ (ibid. 51), о лисѣ-повитухѣ (ibid. 129). Сказка о смерти старика — волдуна (ibid. 223) представляетъ собою также мордовскую версію русскихъ разсказовъ о носмертныхъ блужданіяхъ людей, продавшихъ душу дьяволу. Сказка о красавцѣ Дамѣ представляетъ буквальный пересказъ сказки о Козьмѣ скоробогатомъ. Нѣкоторыя изъ этихъ сказокъ въ мордовской передачѣ потеряли тотъ игривый тонъ и ту драматическую форму, которые свойственны русскимъ оригиналамъ. Въ сказкѣ о „Медвѣжьей ногѣ“ напр. совершенно отсутствуютъ рѣчи медвѣдя. Сказка о котѣ, лисѣ и лѣсныхъ звѣряхъ въ мордов-

ской передачь утратила тотъ игриво-эротическій характеръ который характеризуетъ отношенія лѣсныхъ звѣрей къ л въ русскомъ оригиналѣ. Другія, какъ напр. сказка о Юрт тождественная по содержанию съ известной русской сказкой о старикѣ и его сынѣ, который прошелъ хитрую науку научился оборачиваться звѣремъ, рыбой и птицей, — представляють не простой пересказъ, а уже въ некоторую самостоятельную переработку заимствованнаго мотива.

Появленіе невѣдомаго человѣка, который берется считать старикова сына науку, происходитъ въ мордовской сказкѣ съ большимъ эффектомъ, чѣмъ въ русской: въ русской сказкѣ старикъ встрѣчаетъ невѣдомаго учителя на пути въ городъ, въ мордовской колдунъ выступаетъ мгновенно, и только старикъ, раздраженный просьбами сына научить тому-другому, раздражается проклятіемъ: „хоть чертъ что пришель-бы и тому-бы отдай (Обр. Морд. Слов. 19) Мордовская версія измѣняетъ мотивы, которые побуждаютъ отца отдать сына въ науку незнакомому человѣку: въ русской сказкѣ причиной является бѣдность, въ мордовской вѣжество отца — отецъ готовъ платить за обученіе сына ежегодно по 100 рублей. Превращеніе сына въ козачко разбитаго въ мордовской сказкѣ съ большей полнотой и яркостью красокъ, чѣмъ въ некоторыхъ русскихъ вариантахъ: дѣвучка купеческая дочь приносить находку домой и, положивши на окно, ложится спать; „долго не можетъ заснуть дѣвучка, говоритъ мордовская сказка; либо загрусти сердце, слезы ея капъ-капъ начинаютъ капать, либо утромъ красивой зарей загорится ея красивое лицо она тихонько про себя смѣяться примется“ (ibid. 215); въ полночь колдунъ брякнуло и передъ испуганной дѣвучкой оказывается „молодцевъ лучшій молодець“; онъ успокаиваетъ ее мягкимъ голосомъ: „я тебѣ худаго не сдѣлаю“ и проситъ не прерывать его старикку, когда тотъ станетъ торговать козачкомъ числу особенностей мордовской версії слѣдуетъ, наконецъ отнести то обстоятельство, что въ ней поблѣднѣли черты которыми изображаются въ русскомъ оригиналѣ чувства сына къ отцу и обратно. Сынъ обращается, правда къ отцу русскимъ привѣтствіемъ „татинемъ корминемъ“ (татинъ кормилецъ), но той сердечности отношеній, которая характеризуетъ рус. сказку, въ мордовской версії всетаки нѣтъ.

Окончаніе сказки о Юртаѣ тождественно съ концемъ русской сказки.

Факты, приведенные изъ двухъ случайно взятыхъ сборниковъ произведеній словесности инородцевъ Казанскаго края, указываютъ на то, что инородцы усвоили рядомъ съ высшей ступенью экономическаго развитія и нѣкоторые элементы духовнаго достоянія русскаго народа. Къ сожалѣнію въ наданіяхъ православнаго миссіонерскаго общества остается невыясненнымъ тотъ путь, которымъ произведенія русской народной поэзіи проникаютъ въ инородческую среду. Собратели мордовскихъ и вотяцкихъ сказокъ и загадокъ не указываютъ на лицъ, которые сообщали имъ отдѣльныя произведенія народной словесности, на ихъ прошлое и развитіе. Бурлацкія пѣсни, несомнѣнно, проникли къ Вотякамъ отъ вятскихъ бурлаковъ, такъ какъ языкъ заимствованныхъ пѣсенъ сохраняетъ свои характерныя особенности, несмотря на искаженія, которымъ онъ подвергся въ устахъ Вотяковъ. Относительно нѣкоторыхъ сказокъ и загадокъ приходится ограничиться предположеніемъ, что они проникли къ Мордвѣ и Вотякамъ чрезъ школу и чрезъ солдатъ. Школьный источникъ, несомнѣнно, имѣютъ сказки, въ которыхъ фигурируютъ тигръ, левъ, орелъ. Солдатское участіе нужно предложить между прочимъ въ загадкѣ о лукѣ, которая по своему языку обнаруживаетъ, повидимому, южно-русское происхожденіе: пришла *панна* (*паня*, Морд.) въ красномъ сарафанѣ, стали его снимать, всѣ начали плакать и рыдать* (Обр. Морд. Слов. 307. № 72). Она принесена, по всей вѣроятности, мордвинами солдатами изъ своихъ южнорусскихъ стоянокъ. Недостатокъ сборниковъ Православнаго Миссіонерскаго общества нужно имѣть въ виду членамъ Археологическаго общества, которые захотѣли-бы посвятить свой трудъ собранію произведеній инородческой поэзіи. Съ устраненіемъ ихъ, съ болѣе строгими и научными приѣмами собранія эти произведенія освѣтатъ интереснѣйшую страницу изъ исторіи культуры Приволжскаго края и, можетъ быть, послужатъ къ уясненію того, какимъ путемъ финскіе элементы проникали въ велико-русскую народность.

И. Смирновъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Извлеченія изъ протоколовъ совѣта и очередныхъ собраній Общества 1

Приложенія:

I. Протоколъ чрезвычайнаго общаго собранія членовъ Общества, 16 мая 1885 г. 19

II. Стишки крестьянскихъ дѣтей селъ Астраханки и Карташки Ланшевскаго уѣзда, *С. К. Рябинская* 26

III. По поводу статьи г. Рябинскаго: „Стишки крестьянскихъ дѣтей и др.“, *А. Ѳ. Можаровская* 43

VI. Къ Археологii Урала. *А. М. Зайцева*, . 50

V. Нѣсколько словъ о русскомъ вліаніи на народцевъ въ предѣлахъ Казанскаго края, проф. *И. Н. Смирнова* 59